

Гарольд Лэмб

ВЛАДЫКИ МИРА

СУЛЕЙМАН ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Величайший султан
Османской империи
1520—1566

Гарольд Лэмб

**Сулейман Великолепный.
Величайший султан
Османской империи. 1520-1566**

«Центрполиграф»

Лэмб Г.

Сулейман Великолепный. Величайший султан Османской империи.
1520-1566 / Г. Лэмб — «Центрполиграф»,

Оригинальное беллетризованное жизнеописание Сулеймана Великолепного, султана Османской империи – мудреца, поэта и воина, который завоевал часть Венгрии, Аравии, Месопотамии, Закавказья, территории Триполи и Алжира, но не устоял перед чарами своенравной рабыни-славянки, ставшей единственной любимой женщиной султана Востока.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Гарольд Лэмб

Сулейман Великолепный. Величайший султан Османской империи. 1520–1566

*Генерал-майору ВВС США Эрлу С. Хоугу,
другу турок и моему личному другу*

Глава 1

ВЫЗОВ В СТОЛИЦУ

Гонцы

Посоветовавшись друг с другом, два иноземных лекаря констатировали смерть султана Селима Угрюмого от рака и сообщили о своем заключении визирю. Затем помогли ему отодвинуть от тела покойного, вытянувшегося на матрасах под парчовым покрывалом, жаровню с раскаленными углями и только после этого сами легли на ковер поспать. Ближайшие девять дней им предстояло провести в этих спальнях покоях, ибо известие о смерти султана не должно было выйти за пределы шатра. Так распорядился Пири-паша, визирь, настолько старый человек, что он и сам не ожидал прожить так долго.

Селим болел уже давно. Восемь лет правления, совершая многочисленные походы, он превозмогал болезнь лишь благодаря сильной воле. Но, снедаемый гневом, был абсолютно беспощаден к своему окружению. И все это время ближе всех к нему был Пири-паша, на плечи которого легло бремя забот об империи. Селим так и называл его – Носителем бремени.

Вместе с алхимиком, оставившим на время свое колдовство над пышущими жаром тиглями, визирь внимательно осмотрел спальню умершего правителя. Он пытался представить, что могли бы увидеть глаза постороннего, подглядывающего в какую-нибудь щелку за происходящим внутри. Погасив все огни, кроме языка пламени масляного светильника, положил рядом с матрасом, на котором лежал покойник, пенал с писчим пером и несколько свитков бумаги, чтобы создать впечатление, будто султан что-то пишет. Тот имел обыкновение заниматься этим по ночам, когда его мучила бессонница. Внимательно осмотрев бумагу и убедившись, что текст на ней написан почерком Селима, Пири-паша прочел строки стиха:

Спрашивают ли себя те, кто мчатся верхом на охоте,
Кто на самом деле охотник, а кто жертва?

Султан Угрюмый был еще и поэтом.

В приемных покоях Пири-паша предупредил бодрствовавших слуг, что султан спит, а сам он идет отдыхать. Потом, выйдя наружу, он приказал стражникам, стоявшим у шеста со штандартом, никого из шатра не выпускать. Но и на этом не успокоился. Беспечно, будто прогуливаясь на свежем утреннем воздухе, отправился к коновязи, где его ожидали два человека, находящиеся здесь вот уже несколько дней.

Шагая в одиночестве, паша слышал глухой шум огромного палаточного лагеря – скрип телег водовозов, блеяние овец, которых тащили на заклание. В ночной дымке распространялся сырой запах хвойного леса. Костры вокруг него уходили в горы, отстоя друг от друга на равном

расстоянии. Казалось, в эту ночь ничего не изменилось. Но старый визирь понимал, что теперь его могут сместить с поста в любой момент.

Своих людей, игравших при свете костра в кости, он нашел у кормушки для лошади. Немного постоял рядом, как бы наблюдая за игрой, а на самом деле радуясь тому, что эти двое его гонцы: тот, что помоложе, – оруженосец, другой – командир тьмы (соединения войск численностью в 10 тысяч всадников), который, однако, скрывал свои знаки отличия под накидкой юзбаши – сотника.

На мгновение Пири-паше стало горько и тревожно – вспомнилось, сколько раз вот так приходилось принимать решения, опасаясь ошибок и бессмысленных жертв. Даже вдруг захотелось самому помчаться верхом в то место, куда направится один из его гонцов, и отдохнуть среди тюльпанов вблизи Босфора. Однако он не мог позволить себе такого.

Поскольку в смерти Селима сомневаться не приходится, обстановка в течение нескольких дней должна оставаться неопределенной. Пока преемник султана не будет опоясан поясом с мечом у гробницы Аюба, есть опасность мятежей. Могут взбунтоваться дикие азиатские племена или поднять головы враги Селима. Впрочем, в живых Селим оставил мало врагов... И еще у него остался только один сын, Сулейман, который сейчас находился на азиатском побережье.

Пири-паша больше всего не любил тот город, где хранились сокровища империи, а в роскошных дворцах все еще жили иностранцы. Там в любой момент мог вспыхнуть бунт из-за неосторожного слова или подкупа. Верховный визирь Османской империи появился на свет, когда первые турецкие всадники уже вступили в этот город. Но и через шестьдесят семь лет он все равно воспринимал его как абсолютно чужой, а потому свой дом построил у голубых вод пролива, откуда не просматривались городские стены...

Заметив, что двое игроков тайком за ним наблюдают, визирь подавил чувство тревоги и произнес:

– Сейчас слишком поздний час для такой игры, – при этом слегка выделив слово «час» – условный сигнал, означавший, что им пора отправляться в путь. О том, что нужно делать дальше, все трое договорились заранее.

Игроки прекратили игру в кости и покорно поднялись – ведь визирь империи давал указания от имени самого султана.

– Да хранит вас Аллах, Пири-паша, – ответил почтительно военачальник.

Когда гонцы пошли к лошадям, визирь остановил юного оруженосца и вручил ему свиток бумаги с каракулями.

– Проследи за тем, чтобы число кабардинских скакунов было точным, – сказал он ему таким тоном, словно давал наряд вне очереди за не очень серьезный проступок. Ведь почти наверняка его слова разнесут по всему военному лагерю.

Постояв достаточно долго и убедившись, что за гонцами нет слежки, Пири-паша отправился в свою палатку. Он знал, что они уже скачут верхом среди гор. Командир тьмы в южном направлении – в великий город Константинополь, чтобы предупредить возможные мятежи, а оруженосец с письменным посланием – к Босфору, чтобы, перебравшись через него, найти в Азии Сулеймана, сына Селима.

Визирь надеялся, что ему удастся поддержать видимость жизни в мертвом теле Селима целую неделю. Но на исходе пятого дня понял, что тайна вышла за пределы султанского шатра. О смерти правителя стали догадываться, хотя прямых доказательств тому не было. Представив, какие могут быть последствия из-за сокрытия этого факта от десятков тысяч вооруженных воинов, визирь решил сам обнародовать тайну. Стремительно пройдя к шесту со штандартом, на котором висело семь белых конских хвостов, он объявил, что султан Селим Угрюмый скончался этой ночью.

Располагавшиеся вблизи от султанского шатра воины-янычары сразу же опрокинули наземь палатки, разрубив саблями натянутые канаты, сорвали со своих голов тюрбаны, огласили утренний воздух скорбными возгласами и рыданиями.

Хорошо зная настроения в армии, Пири-паша был несколько удивлен, что янычары, немало пострадавшие от приступов гнева жестокого правителя, горюют в связи с его смертью, словно дети.

С армией все в порядке, убедился он и решил немедленно покинуть расположение лагеря. Опечатав сундуки с деньгами и личную сокровищницу султана, визирь передал командование армией – но отнюдь не свою круглую печать – одному из военачальников и заодно проинструктировал его, какими перегонами следует вести похоронный кортеж. Той же ночью, переодевшись так, чтобы его не узнали, Пири-паша поскакал верхом вслед за своими гонцами в Константинополь.

Сулейман должен был прибыть в город, по расчетам визиря, на девятый день. Если же случится что-то непредвиденное и сына Селима не окажется на месте, то почему именно ему, Носителю бремени, искать выход из сложившейся ситуации?

Мчась верхом по не освещенной светом факелов дороге, визирь вдруг почувствовал, что ему недостает Селима, который никогда не пасовал перед опасностью или тяжелыми испытаниями.

На пятый день Сулейман поскакал по дорогам, протянувшимся вдоль побережья на север в направлении Европы.

Он ехал в свободной манере, временами наклоняя вперед свое долговязое худощавое тело, опершись на укороченные стремена. Сын Селима любил лошадей и получал большое удовольствие, проводя долгие часы в питомниках этих животных.

Его рука, держащая поводья, была загорелой и мускулистой. Неугомонными серыми глазами он бросал взгляды по сторонам, плотно сжимал тонкие губы, ловил орлиным носом теплый ветер, дующий в лицо, и выглядел в седле почти по-женски грациозно. Сулейман был чисто выбрит. Исключение составляли небольшие усы. Чалма из неплотной ткани вокруг худощавого лица придавала ему сходство с молодым энергичным муллой или дервишем. Преемнику султана было не больше двадцати пяти лет.

Продвигаясь вперед, он видел стога сена и плодородную красноватую землю, ожидавшую весенней вспашки. Дорога петляла вокруг бухт, где сиятельный всадник подсчитывал число мачт торговых судов, пришвартованных к берегу у деревянных домиков, покрытых красной черепицей. Южное побережье было отдано под его управление, и он показал себя в этом деле с наилучшей стороны. Точно так же, как удачно продемонстрировал свои способности во время управления одним из районов солнечного Крыма, зная, что его экзаменуют и ведут строгий учет его ошибкам. Но больше всего он любил тот большой город, в котором провел детские годы в военном бараке под сенью платанов.

Сулейман шестнадцать лет учился общению с людьми и управлению скотом под руководством опытных наставников. Даже имел свой миниатюрный двор по образцу отцовского. Однако никогда не слышал ни совета, ни ободрения от самого угрюмого отца, проводившего все время в войнах.

За поясом он вез короткую восточку от визиря, ему почти незнакомого. В ней сообщалось только, что меч Дома Османов ожидает его у гробницы за городом. Восточка встревожила советников Сулеймана. Они предупредили его, что это может быть западней – желанием заманить наследника в город в сопровождении малочисленного эскорта. «Уши обманывают, глаза открывают истину», – предостерегали советники.

Однако утомленный гонец поклялся, что привезенное им послание написано рукой Пири-паши. А грек Ибрагим рассудил так: если бы целью послания было заманить Сулеймана

на север, в нем было бы сказано, что Селим умер или что Пири-паша просит его срочно приехать. Но вместо этого автор послания просто упоминает меч семьи. Да и сам Сулейман обратил внимание на то, что гонец от усталости свалился спать на ковре под оливами, даже не дотронувшись до кошелька с золотыми монетами, который он ему подарил. Похоже, мчался без отдыха несколько ночей. И Сулейман решил принять приглашение визиря. Тогда надо ехать, стали торопиться его компаньоны, нельзя терять времени даром. А им было не впервой срываться в путь без промедления, не думая ни о семье Сулеймана, ни о своих родных.

Правда, при этом Сулеймана рассердил дервиш, который схватил повод его коня и заявил, что преемник султана счастливее других, ибо он назван именем древнего мудрого Соломона... В Доме Османов Сулейман был десятый, призванным во власть на заре десятого века ислама. «В каждую эпоху призывается свой властитель, чтобы взять ее за рога»... Словно эпоха была коровой.

Ему дали на подпись спешно подготовленные приказы. Те, кто это делал, с трепетом наблюдали за тем, как он выводил закорючки своей подписи. Будто сейчас его подпись отличалась от прежней. Сулейман понимал, что в их сознании он уже стал султаном, правящим представителем Дома Османов. Ведь он – единственный претендент на трон. Братьев у него не было. Селим не оставил в живых и ни одного его дяди. Если он погибнет от рук заговорщиков по пути в Константинополь, то Дом Османов прекратит свое существование.

Его предки в ближайших поколениях тоже оказывались единственными претендентами на трон из-за строгих порядков, господствовавших в Доме Османов. Их всегда было немного, а в них самих – очень мало от подлинных турок. Им давали такие странные прозвища, как Гази или Кайсар-и-Рум – Победитель или Цезарь нового Рима. Их изобретали иностранцы. Однако у предков не было собственного народа или империи. Да, Мехмет Фатих – Мехмет II, Завоеватель, отвоевал у европейцев Константинополь, но тут же, будучи непоследовательным султаном, установил свое правило. Отныне, объявил он, христианин уравнен с мусульманином, рожденный греком равен рожденному анатолийцем.

Слово, сказанное Завоевателем, стало законом. А вслед за ним его сын Баязид, дед Сулеймана, ввел еще одно правило – Османы должны быть более образованными, чем европейцы, чьи земли они завоевывают. И оба эти правила свято соблюдались в течение долгих шестидесяти лет правления двух султанов. Но разве они могли сформировать и объединить народ? Народ существовал только в их воображении! Два правителя и два правила. Только отчаянный Селим, вырвавшийся из тисков, которые были созданы его предшественниками, начал завоевывать новые территории...

Вдруг Сулейман увидел, что дорога впереди перегорожена. На узком каменном мостике, перекинутом через горный поток, остановилась крестьянская арба, у которой заклинило колесо. На дорогу вывалились снопы пшеницы, которыми была нагружена арба. Двое всадников, скакавших перед кавалькадой Сулеймана, чтобы освобождать дорогу, спешили и бестолково засуетились у арбы в попытках помочь крестьянину наладить колесо.

Подъехав к арбе, Сулейман натянул поводья. И в ту же секунду услышал позади себя стук копыт скакавших галопом коней. Сегодня его спутники, независимо от степени знатности, благоразумно держались от наследника на дистанции броска дротика. Однако, увидев заминку на мосту, бросились на его защиту.

Досадуя на задержку и бесполезные крики, Сулейман потянул повод в сторону. Его великолепный серый скакун свернул в лощину, перебрался через поток вброд и выбрался на противоположный берег за мостом. Тогда встревоженные спутники поскакали вслед за ним, соблюдая необходимую дистанцию. В голове Сулеймана мелькнула запоздавшая мысль, что, стремясь таким образом миновать препятствие на мосту, он мог угодить в засаду. Почувствовав себя весьма неудобно, он обернулся к скакавшим позади всадникам и подозвал одного из них:

– Подъезжай ко мне, Ибрагим!

Часто, когда его беспокоило что-либо, Сулейман звал Ибрагима, старшего сокольничего, грека, родившегося христианином где-то у морского побережья. Ибрагим был старше Сулеймана. Худощавый и смуглый, с заметно выступающей вперед нижней челюстью, он умел предвосхищать проблемы и находить пути их решения. Обычно Ибрагим играл для Сулеймана на струнных инструментах или читал ему вслух книги, неизвестные другим придворным из окружения наследника. Сулейман сам умело справлялся с возникавшими проблемами, но ему доставляло удовольствие услышать сначала совет сообразительного грека.

– Послушай, Ибрагим, – спросил наследник. – Как ты думаешь, верит ли армия в то, что мой отец отравил своего отца, Баязида?

У того не было готового ответа. Он знал, что армия действительно в это верит. Разве мягкосердечный и проникательный Баязид не отрекся от власти в пользу беспощадного Селима? Разве престарелый Баязид не умер вскоре после этого от неизвестной болезни, когда отправился из Константинополя к месту своего рождения, чтобы спокойно доживать свой век? Однако доказательств отравления не было. И грек не знал, какой ответ удовлетворит султана. Ложь тоже не помогла бы старшему сокольничему.

– Армия верит в это, – осторожно начал он, – потому что султан Угрюмый стремился один, безраздельно пользоваться властью. Пока был жив Баязид, где бы он ни находился, существовало два султана вместо одного.

Сулейман ничем не выдал своего отношения к мнению Ибрагима. Когда он так поступал, грек был не в состоянии разгадать его мысли. Практические вопросы, интересовавшие наследника престола, Ибрагим распознавал без труда, однако пасовал перед мистическим настроением его души. В замешательстве грек сделал попытку угадать настроение своего молодого господина.

– То, что случилось, нельзя изменить. В конце на этой дороге начнется и утро вашего правления. – Обмануть Сулеймана было сравнительно легко, однако прибегать к хитрости сокольничий считал небезопасным. Наследник отличался вспыльчивостью и капризностью, хотя тщательно скрывал это под маской молчания. – Все, что случилось, осчастливит вас, как и предсказывал дервиш. Сам Баязид выражал уверенность, что вы станете верховным властителем. Возможно, султан Селим опасался, что вас призовут на трон вместо него, – проговорил Ибрагим, бросив молниеносный взгляд на подвижное, нервное лицо сиятельного собеседника. И добавил:

– Не оглядывайтесь назад. Смотрите вперед. Вы действительно счастливый человек! – Увлечшись, грек осмелился повысить голос:

– У вас нет братьев, которые могли бы соперничать с вами в борьбе за власть, нет врагов, способных помешать вам следовать своим путем. Империя ждет вашего руководства. Даже Великий визирь дожидается момента, когда сможет склонить голову перед тенью Аллаха на земле. С удачей, которая вам сопутствует, вы сможете сделать все.

Сулейман улыбнулся. Кроме одного – вернуться назад.

Многоголосый город

Он не повернул назад. Мчался галопом вперед три дня. Оставил позади область спокойствия и влажного климата, дымы угольщиков в защитных лесополосах. Копыта его коня клацали по гладким камням дороги, построенной еще римлянами. Она вела к возвышенности, называемой Чамлия, месту кипарисов, которое посещали мертвые, а живые обходили. За возвышенностью открывалась ослепительная синева Мраморного моря.

Наконец Сулейман покинул тишь провинции и подъехал на расстояние видимости к городу, в котором призывался править. Здесь все было по-другому. Местные жители, в отли-

чие от крестьян провинции, склонявшихся над зелеными ростками ячменя или лениво подгонявших стада овец, толпились вдоль дороги, чтобы поглазеть на наследника. И он понял, что до городских жителей каким-то образом дошла та же весть, что и до него. Видимо, слухи проникли в город от караванщиков, устроившихся на ночлег в караван-сараях, от посетителей насыщенных паром бань, от гребцов кайков, сновавших взад и вперед в прибрежных водах. Продвигаясь между выстроившимися толпами народа, наследник услышал возглас: «Теперь с прибытием сына Селима, возможно, и нам повезет!»

На берегу его ждала паромная баржа, место рулевого на которой покрывал ковер. А на противоположном берегу, через переправу, просматривался огромный город, вроде бы не проявляющий никаких признаков мятежа. Он устроился в море подобно соблазнительной, знающей себе цену женщине, равнодушной к посредственности, но ожидающей достойного ее мужчину. Как-то в отсутствие Селима Сулейман уже правил в этом городе, постигая настроения его обитателей так же, как и городские достопримечательности – от минаретов Айа София, возвышавшихся над платанами, до сильно закопченных колонн, которые римляне оставили у ворот его дворца.

Когда лодка, в которую Сулейман пересел с паромной баржи, причалила к пристани дворцового сада, садовники без всякой команды бросились его приветствовать. С косогора мчались молодые солдаты, перепрыгивая цветочные клумбы. Свисающие на их спинах серые шапки развевались по ветру. Эти янычары, молодые воины, охранявшие город, столпились вокруг наследника, кинжалы у их поясов касались его рук. Окружив Сулеймана, они требовали:

– Где подарки? Где мзда, давайте мзду!

Возбужденные, страшные, если выйдут из подчинения, они требовали вознаграждение, которое обычно выдавалось им во время заступления на трон нового султана. Их подвижные атлетические тела теснились вокруг высокой и стройной фигуры наследника. Через толпу янычар пробился ветеран, ага янычар. Тяжело переводя дыхание после бега, он улыбнулся, протянул наследнику румяное яблоко и слегка похлопал его по плечу – принятое приветствие нового командующего корпусом янычар.

– Сын Селима, ты сможешь съесть это яблоко? Яблоко символизировало легендарного врага братства янычар – Римскую империю, лежащую за морем в Италии.

– В свое время, – коротко ответил Сулейман, принимая яблоко.

– Подарки! Где подарки?

– В свое время, – повторил Сулейман, протискиваясь через толпу обступивших его янычар.

Ага цыкнул на подчиненных, и те молча расступились. Стоявший под деревьями у фонтана командир тьмы, на которого была возложена задача поддерживать спокойствие в городе, вздохнул с облегчением и разочарованием. Сулейман почти ничего не сказал. Он не обнаружил ни тени страха перед дворцовой гвардией, однако и не предпринял ни малейшего усилия, чтобы завоевать ее уважение. Вряд ли янычары увидели в нем истинного сына Селима.

В полдень Сулейман обедал в одиночестве. Из небольших ваз, поставленных на белоснежной скатерти у его колен, выбирал кусочки зажаренного в зелени мяса, дольки кабачков, фаршированных рисом, инжир в сметане. Наследник делал вид, будто ест с большим удовольствием. Коснулся рукой кубка, и безмолвный подросток тут же подбежал, чтобы налить в него шербет.

И хотя Сулейману удалось изобразить аппетит, а также удовлетворение обслуживанием со стороны мальчиков-слуг, на самом деле его не покидало жгучее чувство тревоги. Он не правильно вел себя в присутствии возбужденных янычар. Теперь ему никогда не удастся добиться от них той же преданности, с какой они служили Селиму...

Память перенесла его на десять лет назад. В тот момент Селим восстал против Баязида и был разбит старым султаном. Он укрылся в заморской крепости Крым, куда еще раньше отослал Сулеймана с матерью, высмеивая приказ своего отца направить молодого неопытного Сулеймана управлять Константинополем. Потом Селим с ордами диких татар под гром барабанов выступил против отца-султана и осадил город. Непобедимым янычарам было приказано отбросить их от стен, но, увидев Селима, скакавшего им навстречу, янычары бурно приветствовали соперника султана, выкрикивая его имя, касаясь его стремени и клянясь, что не признают никого другого своим командующим... Так янычары отреклись от Баязида и присягнули новому султану. Отцу Селима пришлось расстаться с мечом Османов, а затем и с жизнью... Если он даже не был отравлен, то все равно потерял волю к жизни... Это были горькие воспоминания о годе жизни, когда между Селимом и Сулейманом, которого держали вдали от него и от армии, пролегла пропасть. Последние слова Селима, обращенные несколько лет назад к сыну, были пронизаны и мольбой и презрением:

– Если турок слезает с седла, чтобы сидеть на ковре, он превращается в ничто. В ничто.

Теперь, сидя в одиночестве за трапезой, моя руки в серебряном тазу, который принес один из мальчиков-слуг, Сулейман не мог не подумать о том, что эти мальчишки точно так же могли бы прислуживать и другому властителю. Пока не прибыл Пири-паша и пока ему не присягнули высшие военачальники, наследник мало что значил. Но Пири-паша, который должен был приветствовать его еще у паромной переправы, не явился.

После трапезы мальчики-слуги приготовили постель для послеобеденного сна наследника – расстелили в его спальном покое матрас. Однако Сулейман не мог заставить себя лечь. Вместо этого стал бродить вдоль стены, ощупывая пальцами свои старые вещи, хранившиеся в нишах, – рукописи, переписанные четким почерком его учителя Касима, ответы на экзаменационные вопросы по астрономии и юриспруденции, которые писал сам. Там лежал и миниатюрный золотой футляр для часов, сделанный его руками. Сулейман с удовольствием работал над этим футляром: ему нравилось ощущать гладкую поверхность золота, и он ценил точность европейских часов. Но сейчас эти школьные занятия ничего для него не значили. Они были частью жизни мальчишки, которого больше не существовало...

Неожиданно Сулеймана охватило горькое чувство одиночества и острое желание прикоснуться к Гульбехар – Цветку Весны, увидеть своего сына и жизнерадостного Ибрагима, развлекавшего его игрой на струнных музыкальных инструментах после того, как в лунную ночь они собирали креветок на мелководье. Испытать такие радости в одиночку невозможно.

– Сулейман, Сулейман-хан!

И хотя голос насторожил наследника, он повернулся ко входу, закрытому занавеской, как бы слегка удивившись, что кто-то осмелился его потревожить. Из-за занавески появился Пири-паша, завернутый в мантию. Он выглядел дряхлым и уставшим. Визирь прижал руку Сулеймана к своему сердцу и поцеловал его. Затем дрожащим от старческого волнения голосом сообщил, что торопился сюда изо всех своих слабых сил, но, как только увидел молодого наследника здоровым и невредимым, это подняло его дух. Эти слова не были лишены царедворской лести, но прозвучали вполне искренне. Сулейман умел распознавать в людях искренность, как и определять золото лишь одним к нему прикосновением.

Вслед за этим старый визирь стал немедленно издавать указы от имени Сулеймана, прежде всего касающиеся траурной церемонии и молитв на закате за упокой души Селима. Во дворце тут же закипела работа, он стал похож на караван-сарай, ожидавший гостей. Облачившись в новую одежду черного цвета, Пири-паша посоветовал Сулейману, когда они остались наедине, надеть платье, отделанное золотой вышивкой.

– На публике вам нельзя появляться без роскошного облачения, – объяснял он наследнику. – Люди могут любить вас самого по себе, но, когда смотрят на вас, должны воспринимать вас как символ власти. – Однако, не вполне удовлетворенный блеском золота, приказал при-

крепить к головному убору наследника два плюмажа из выкрашенных в красный цвет перьев цапли на рубиновой застежке. – Почему бы нет? – проговорил он мягко, – Время страха закончилось, началось, по велению Аллаха, время надежды.

– Время надежды?

Пири-паша помедлил с ответом, теребя старческими пальцами свою седую бороду.

– Да, я читал донесения из вашей провинции Магнезия. Подобно всем молодым людям, вы уделяли слишком много времени охоте и морским прогулкам. Но в донесениях отмечалось также, что вы были справедливы к каждому просителю, будь то иностранец, крестьянин или христианский раят. Именно с этим я, старый глупец, связываю мои надежды. – Его борода дернулась в улыбке. – Древний Соломон, да будет благословенно его имя, проявлял мудрость в своих решениях. Он требовал от людей лишь понимания и сумел прожить жизнь в изумрудном и рубиновом блеске.

Серые глаза наследника просветлели от улыбки.

– Нет, Пири-паша, именно ты – моя надежда.

Старик склонил голову, став снова придворным. Сопровождая наследника, шедшего по галереям дворца, Пири-паша ревниво следил за каждым взглядом, брошенным украдкой на человека с белым нервным лицом под монаршим плюмажем из оперения цапли. И не упускал случая сообщить о пришествии второго Соломона и времени надежды.

За воротами, где на часах стояли безмолвные янычары, венецианские шпионы подслушивали разговоры служащих дворца, пытаясь определить, чего ожидать от будущего монарха. «Пришло время надежды», – доносилось до них.

Эти шпионы наблюдали издали похороны умершего султана. Сулейман и Пири-паша выехали за ворота встретить похоронную процессию и затем спешили, чтобы пойти рядом с военачальниками, несшими гроб с покойником. Но всего лишь несколько человек поднялись на замусоренный холм, где разожгли костры, чтобы отгонять злых духов, извлекли из гроба завернутое в саван тело покойного и опустили его в яму. Так предписывал древний обычай.

Сулейман произнес ритуальную фразу:

– Пусть построят гробницу вместе с мечетью. При мечети должны быть больница для хворых и приют для паломников. – Затем добавил слова, не требовавшиеся ритуалом:

– И пусть будет построена школа.

А как только Сулейман умолк, вздрогнувший от неожиданности секретарь уточнил:

– Где?

Сулейман осмотрел холм. Недалеко от него стоял каркас византийского дворца, занятый несколькими семьями кочевников. Его гранитные камни и мраморные колонны послужат великолепным строительным материалом для гробницы и мечети Селима, а кочевники пусть перебираются куда хотят. – Здесь, – ответил он.

Затем, согласно тому же обычаю, процессия всадников выехала за городскую стену к шишковатым кипарисам, окружавшим гробницу святого воина Аюба. Здесь всадников ожидал белобородый старец, одетый как бродяга, но державший в руке короткий кривой клинок с серебряной рукояткой, сияющий драгоценными камнями. Старец был главой дервишеского ордена Мавлави, святого братства, поддерживавшего Османов с самого начала их правления. Клинок считался символическим оружием Дома Османов, которое, взяв однажды, не следовало бросать.

Схватив Сулеймана за руку, глава дервишей повел его на возвышение, откуда наследника могла видеть толпа. А там громким голосом объявил:

– Аллах пожелал, чтобы султаном стал Сулейман, глава Дома Османов. – Повязывая на талии Сулеймана пояс с мечом, глава ордена предостерегающе заметил:

– Мы, исстари приверженные вере, вручаем тебе ключи от откровения. Следуй его указаниям, иначе тебя ожидает крах.

Немногие слушатели могли понять эти слова. Они видели только, что Сулейман принял меч, который возложил на него ответственность за подданных Османской империи. А кто может вести вождя, кроме его собственного разума? Чем еще руководствовался султан Угрюмый, кроме своего разума, когда завоевывал мечом обширные земли? С этого момента Сулейман принял бремя ответственности за служение своему народу.

Следуя позади нового султана назад в Константинополь, визирь Пири-паша почувствовал себя свободным от обязательств султану Угрюмому. Отныне преемник Селима принят армией и народом. Даже если ему, визирю, теперь удастся удалиться в свой сад у Босфора, его душа будет спокойна.

Он уже успел дать необходимый совет новому султану, потому что успел заметить его готовность прислушиваться к советам. Первое дело, как и первая музыкальная нота, очень важно. Визирь намекнул, что оно должно стать актом милосердия. Некоторое время назад без всякой причины была брошена в тюрьму группа египетских торговцев, только потому, что они прогневали Селима...

Сулейман тут же приказал освободить их без денежного залога. Ему было приятно произносить слова такого приказа. Затем, наблюдая за стражей у ворот дворца, он вспомнил, что обещал вручить в свое время янычарам подарки, и решил сделать это побыстрее. Окружение уже заметило, что Сулейман долго и молчаливо вынашивал решения, но действовал быстро, как будто импровизировал. Янычары из его собственной охраны получили те же суммы денег, что выдавал Селим, не больше и не меньше. Однако им подарили определенные суммы и другие сановники, таким образом выплаты им увеличились.

По лицам охранников Сулейман не мог определить, довольны они подарками или разочарованы. Атлеты в голубой форме неподвижно стояли на своих постах. Только зрачки их глаз двигались под серыми шапками дервишей. Это были личные охранники султана, обязанные следовать за ним, куда бы он ни пошел, не жалея своих жизней. Однако сам Сулейман помнил, как янычары отвернулись от Баязида.

После заката, когда зажглись масляные лампы, Сулейман слушал молитвы. Он сидел в одиночестве на старинном ковре, застлавшем пол внутренней галереи мечети, над тысячами склонившихся в молитве голов. Маленькие огоньки масляных ламп не могли хорошо осветить помещение мечети, построенное еще его дедом.

Напротив Сулеймана за кафедрой стоял необычный проповедник, державший в одной руке ятаган, а в другой – Коран. Когда имам резко возвышал голос, с купола мечети над головой доносилось слабое эхо. Голос и эхо в унисон произносили:

– Да будет милостив Аллах, всемилостивейший и милосердный, к султану султанов, правителю правителей, тени Аллага на земле, господину двух миров, господину Белого и Черного морей... султану Сулейман-хану, сыну султана Селим-хана.

Итак, его имя было упомянуто в молитве. Теперь он был признанным султаном.

Еще до того, как умолкло эхо, его неподвижное тело пронзил импульс страха. Он один высоко вознесся над другими. Согласно своему титулу, стал главой янычар, среди которых не имел ни одного друга. Стал вождем народа, который был сформирован его предками, их разумом, волей и доблестью. Однако что представляет собой турецкий народ на самом деле, помимо того что сотни тысяч людей разного рода собрались на какое-то время в пределах большой территории земли, чтобы повиноваться его приказам?

Более того, Сулейман был назван главой ислама – тенью всемогущего Аллага, о котором он знал меньше, чем проповедник, стоявший за кафедрой напротив него. Последний звук эха замер в воздухе. А ведь на самом деле он, Сулейман, не более чем сын Селим-хана...

Через несколько дней венецианцы во дворце Балио, расположенном за голубыми водами бухты Золотой Рог, ознакомились с донесениями своих шпионов, дали оценку и прогноз того, как может повлиять правление нового султана на европейские дела.

Бартоломео Контарини писал: «Ему не более двадцати пяти лет. Он высок и жилист, у него длинная шея, лицо худощаво и очень бледно. На лице – некое подобие усов. Он весьма обходителен. Имеется в виду, что он умный господин, учитывая его образованность. Люди разных сословий ждут от его правления блага».

Такого рода донесения были отправлены в обеспокоенную Синьору Венецию с первой же быстроходной галерой, вышедшей из бухты Золотой Рог.

Осенью 1520 года от Рождества Христова гонцы с мешками этих донесений поспешили в Рим. Молодой папа – Лев X, подлинное имя которого было Джованни де Медичи, вознес благодарность Богу за то, что турецкий террор приостановился, если не прекратился вовсе, потому что султан османских турок, который, подобно вспышке молнии, пронесся над Азией и вторгнулся в Европу, умер, не причинив ей больше вреда. Разве он не был фанатичным приверженцем пророка Мухаммеда?

Паоло Джовио, любимый толкователь Льва X, врач, увлекающийся анализом международных событий, заметил в том же духе: «Папа Лев, узнав о смерти Селима, дал указание провести молебны во всех соборах Рима и чтобы верующие приходили туда молиться без обуви».

Эти новости очень рассеянно, по своему обыкновению, слушал в Париже отпрыск Дома Валуа Франциск I. Париж от Константинополя отделяло огромное расстояние, а Франциска уже называли первым дворянином Европы.

По стечению обстоятельств, все эти престолонаследники Европы, переживавшей Ренессанс – эпоху новых идей и географических открытий, были очень молоды. В Аиксе, семейной усыпальнице Габсбургов, был коронован Карл V, император Священной Римской империи, лишивший Франциска надежд быть избранным на этот пост. Старый Якоб Фуггер, происходивший из селения Фуггера в Тироле, способствовал избранию Карла на, совете князей, предоставив соответствующие суммы флоринов под залог серебряных рудников на острове Гуадалканал в Новом Свете. Кроме того, Карл получил одобрение, если не симпатии, свирепого Генриха VIII, короля Англии, первой женой которого была тетка Карла, Катерина Арагонская.

Именно в это время Карлу V досаждал упрямый монах Мартин Лютер, который написал вызывающий трактат под названием «О свободе христианина». Отпечатанный на новых печатных станках памфлет Лютера распространялся в германских городах, несмотря на то что он оспаривал духовную власть Льва X как главы старой католической церкви и светскую власть Карла V как главы Священной Римской империи, пережитка Древней Римской империи. В общем, Карлу было не до того, чтобы размышлять о заступлении на престол нового турецкого султана.

Когда Паоло Джовио сравнил различные донесения из Константинополя, он сделал следующий прогноз: «Все согласны с тем, что свирепому льву наследовал мягкий ягненок... потому что Сулейман молод, не имеет опыта – и во всяком случае отличается спокойным нравом».

Этот прогноз оказался очень далеким от истины.

Семейная жизнь

Некоторые европейцы сообщали также домой, что султан привязан к семье. Вообще-то у них было мало фактов для такого вывода, но в данном случае они не ошиблись.

Через несколько дней после прибытия Сулеймана в Константинополь его слуги доставили туда и Гульбехар с младенцем сыном, тщательно скрывая их от посторонних глаз. Сделать это было не особенно трудно, поскольку турки привыкли путешествовать налегке. Гульбехар

с сыном отправились в путь, захватив с собой лишь минимум одежды, которая хранилась в мешках, привязанных к седлам, и небольших коробках. А приготовленные для них покои во дворце были не больше, чем помещения в караван-сараях, где устраивались на ночлег путешественники.

Однако помещение для женщин во дворце было отделено от покоев султана коридором. Если Сулейман желал вступить на женскую половину, обычай обязывал его дать об этом знать до того, как он пересечет коридор и пройдет мимо стражи в свою опочивальню в женских покоях.

Никто другой не мог появляться в этом запретном месте. За дверями гарема находились только рабы. Сулейман не мог не чувствовать иронии в том, что помещение, которое считалось его домом, было обителью рабов. Они содержали его дом таким, каким он привык его видеть.

В очаге под навесом потрескивал костер из душистых поленьев. На стенах, выстланных плитками, играла светотень. Изображенные на плитках деревья и цветочный орнамент придавали комнате вид укромного уголка в саду. Войдя в комнату, Сулейман снял с себя головной убор и бросился на кушетку, стоявшую у стены. Голова его была обрита, за исключением одного местечка, откуда рос длинный локон. Как это было принято у военных, он чисто выбрил и подбородок. Сулейман неотрывно смотрел на огонь в очаге, пока из-за другой занавески не вошла Гульбехар, пытаясь, сморщив нежный лобик, произнести церемонное приветствие. Он понимал, что ее к этому приучили, но решительно перебил:

– Может, я и являюсь твоим господином на всю жизнь, но ведь не таким, как другие.

С Гульбехар – она была названа так после того, как ее привезли из селения в горах Черкесии, – Сулейман не чувствовал одиночества. Ее гибкое тело двигалось легко, как дуновение ветра. Сын унаследовал от нее белокурые волосы.

Ее привлекательность тешила его изощренный вкус. Однако Сулеймана не радовал переезд Гульбехар в Константинополь, где она должна будет появляться среди других женщин, каждая из которых имела определенное функциональное привилегированное положение – тем или иным способом служила государству.

Освободившись от необходимости продолжать ритуальные действия, грациозная женщина пристроилась рядом с ним на кушетке и показала молодому султану приготовленный ею подарок – парчовую сумочку, перетянутую шнурком.

– Открой ее, – попросила она после того, как он похвалил ее работу.

К удивлению Сулеймана, в сумочке лежали свитки с его стихами, написанными на персидском языке, который он не любил. Молодой султан знал, что его стихи неважные, и только от Гульбехар можно было ожидать, что она бережно их сохранит и даже изготовит для них нелепую сумочку. Ведь она не знала языка, на котором они были написаны.

– Знаешь ли ты, что это такое? – спросил ее Сулейман. – О чем эти стихи?

– Сказать? – Когда она беспокойно шевельнулась, от ее чистого тела и волос по комнате распространился запах сушеного жасмина. «Жасмин, – подумал он, – это не роза». – Стихи написаны твоей рукой, и они столь же прекрасны, как... как... – Да, Гульбехар не имела никакого представления о таком мистике, как Маулави и даже Газали. – Как у старого Касима, – закончила она свою мысль с надеждой, что нашла правильный ответ.

Сулейман прикоснулся к ее волосам и указал на подпись под стихами:

– Здесь написано, что они сочинены тем, кто ищет друга. Ничего другого.

Лобик женщины опять сморщился над черными, как смоль, бровями.

– Разве я не друг?

– Больше чем друг, – улыбнулся он, не желая убеждать ее в том, что она была одновременно больше и меньше, чем друг.

Сулеймана забавляло, что для общения с сыном-младенцем или Гульбехар ему приходится подчиняться заведенному в гареме распорядку. Молчаливые африканские рабы охраняли спальню гарема, а все женщины отсылались в его дальние углы, чтобы не подслушивали. После того как он расстался с черкешенкой, предполагалось, что на исходе дня снова пройдет в спальню. Тогда мальчуганы-слуги, разбуженные светом ночной лампы, быстро оттуда удалялись.

Затем мальчик принесет ему нижнее белье и большую простыню для бани. Сулейман покорно направится в баню, чтобы его побрили, попарили и помыли. Вслед за этим самостоятельно насухо вытрется и остынет от бани.

Без совершения этого ритуала он никогда не встречался с Гульбехар. Когда она выбиралась из гарема помолиться в сопровождении пожилых женщин и в закрытой повозке, ее лицо закрывала чадра. Она была не способна проникнуть в мысли своего повелителя. Шариатские судьи уверяли Сулеймана, что у женщин нет души и что, подобно животным, они прекращают существование, как только жизнь покидает их тело.

Правда, с этим не соглашался мудрый Касим. Наставник говорил Сулейману, что некоторые животные попадают в рай за хорошую службу мужчинам – например, Валаамская ослица и кит, который вынес Ноя на берег. Разве не могут и некоторые женщины добиться таких же привилегий, как животные, и получить вечную жизнь? Хотя и тот проницательный иноземец считал, что женщины предназначены только для услужения, как лошади. Находил, что в большинстве своем они красивы, непосредственны, соблазнительны и очень порядочны, потому что им почти не приходится покидать гарема, а если и приходится, то выходят они из него в парандже. От него Сулейман усвоил, что свою естественную красоту женщины поддерживают, подкрашивая брови и веки черной тушью, намазывая ногти красновато-коричневой краской, которая называется «аль-банна». И еще что они большие чистюли, так как дважды в неделю ходят купаться под присмотром, их тела совершенно лишены волос... А на улице они закрывают свои руки рукавами халата, так как полагают, что, если даже одна рука будет видна постороннему, то их сочтут за женщин легкого поведения.

Впрочем, Сулейман довольно редко пересекал охраняемый коридор. Как султан, он должен был жить в шатре боевого лагеря, а дворец, сложенный кое-как из отработанного строительного материала, предназначался лишь для кратковременного отдыха. Этого требовали древние обычаи. Они же защищали женщин и старшее поколение Дома Османов, регулировали жизнь дворца, в котором абсолютно все, вплоть до мельчайших услуг и кухни, находилось под властью матери султана – валиды.

Во времена предков такой властью обладали самые старые женщины. Тогда турчанки без паранджи кочевали вместе с ордой и мужчинами, пасшими стада. Прочная родовая основа Османов еще не была подорвана примесью женщин из других племен – славян, грузин, черкесов и татар. Валида правила в гареме властью древней хатун, племенной принцессы, подбирающей себе в помощь управляющих, хранителя сокровищ и других, распределяющей в гареме обязанности и денежные вознаграждения. Она считала, что без работы руки женщин будут беспомощны и вялы.

Сулейман знал, что его мать когда-то была христианкой. Подобно Гульбехар, ее молодой привезли из-за Восточных гор и поместили в Дом Османов усладить его главу. У нее были глянцевиные темные волосы и серые глаза грузинки, правда, ей не доставало красоты Гульбехар. Сулейман поражался, как мать выдержала тяжелый характер Селима. Но она ничего не могла сообщить сыну об отце. Девочкой мать познала нищету, теперь же, живя в достатке, любила наряды из цветного сатина и украшения для прически из перламутра и темно-красного стекла. Когда Сулейман хвалил ее наряды, мать отвечала:

– Постаревшая и высохшая, я не могу выглядеть великолепной.

Однако султан не мог не отметить, что новые обитательницы Дома Османов, мало чем отличавшиеся от застенчивых девочек, были окружены добротой и заботой валиды. Благодаря ей в гареме не было конфликтов. Каждая женщина выполняла определенные обязанности, но, соперничая друг с другом, они всегда были приветливы с главой Дома Османов. Гульбехар ничего не просила у него, за исключением мелочей: черепаховых гребней, отрезков венецианского сатина или шелка из Багдада. Она держалась уверенно, будучи не просто женщиной «в глазах» у султана. Понимала, что любима им, что ее сын унаследует власть Сулеймана, после чего сама она станет новой валидой, матерью султана, если, конечно, доживет до этого времени.

Блага, обычно сопутствующие султанской власти, казалось бы, должны были распространиться и на его женщин. Однако Сулейман, то ли потому, что не любил старый дворец, то ли потому, что соблюдал старые обычаи, проводил большую часть времени и даже часто спал в Сарай Бурну – дворце на горе. Здесь на окраине города, в двориках, окруженных платановыми деревьями и садами, султаны решали проблемы управления империей. Здесь султан Завоеватель пытался укрыться от шума городских улиц и даже воздвиг беседки в садах.

Первое, что Сулейман сделал лично для себя, – это нашел постоянного собеседника. Он назначил грека Ибрагима, способного в музыке и государственных делах, юзбаши внутренней службы дворца. (Даже теперь османы присваивали воинские звания служившим им чиновникам.) Более того, попросил Ибрагима делить с ним вечернюю трапезу по окончании дневной службы.

Однажды неунывающий грек посерьезнел, встал на колени возле скатерти, расстеленной для ужина, и спросил:

– Если ты делишь хлеб и воду со слугой, значит ли это, что ты считаешь его своим другом?

Сулейман уверенно кивнул:

– Значит.

В своем нестерпимом одиночестве он более всего нуждался в друге. С другом можно побеседовать после ужина без всяких церемоний, читая книгу, спросить его о непонятных местах. Ибрагим всегда с готовностью отвечал, даже если в этот момент перебирал струны своего музыкального инструмента. Он весьма бегло говорил на персидском и итальянском языках, разумеется, на своем родном греческом языке и языке благоприобретенном – турецком. Его господин знал три первых очень плохо. Без всяких усилий блестящий грек раскрывал ему источники богатой классической поэзии персов или цитировал Данте. Он был способен опережать замыслы Сулеймана.

– Для чего строить дворцы и города, – цитировал Ибрагим незнакомого Сулейману автора, – если они все равно будут разрушены?

– Что же тогда вечно? – быстро реагировал султан на его слова. Он достаточно повидал византийских развалин.

– Мудрость и музыка, которую я сочиняю!

– И ангорские козы!

– О, конечно.

К веселости Сулеймана примешивался гнев. Иногда он не был уверен, что Ибрагим не подшучивает над ним. Потому что Ибрагим становился заносчивым в стремлении ускорить работу мысли султана. Порой же шутки Ибрагима выводили Сулеймана на новый уровень понимания жизни.

Над одной книгой Сулейману пришлось поломать голову – ее содержание давалось ему нелегко. «Искандер наме», история жизни Александра Македонского, была его постоянным спутником в поездках. Султану очень хотелось знать, каким образом Александр Великий мыслил себе объединение народов Востока и Запада. Однако Ибрагим предпочитал больше толковать о каком-то Ганнибале, который, по его словам, знал, как разгромить армии Рима. Сулей-

ман же мало интересовался историей войн, особенно тех, что представлены в исторических хрониках Ливия.

– Это очень важно, – убеждал его юзбаши внутренней службы дворца.

– Почему важно?

Потому, полагал грек, что Ганнибал был очень целеустремленным врагом Римской империи. Взгляни на его армию: она состояла, подобно турецким аскерам, из весьма разных элементов – африканцев, метателей из пращи, слонов. И все же, поскольку Ганнибал был одаренным полководцем, одержимым непоколебимой целью, он истощил силы римлян. При столкновении силы воли побеждал Ганнибал.

– Как же он побеждал?

Так проходили их беседы. Господин интересовался практическими последствиями исторических деяний, блестящий слуга стремился раскрыть средства достижения цели. Большую часть своей тридцатитрехлетней жизни Ибрагим прожил под турецкой властью, полагаясь на свою природную сообразительность, соперничая с людьми, равными ему по уму, используя на пользу себе слабости других. До сих пор у него не было никакой власти, и он отлично сознавал, что обязан своим положением милости султана.

– Судьба властителя – борьба, – говорил смиренно Ибрагим, – властитель должен подчинять других, а не подчиняться сам. Его судьба – борьба с другими. Тебе не избежать этого.

Услышав такое, Сулейман снова надолго умолк. Он умел запоминать каждое произнесенное слово, был ли при этом в хорошем или дурном настроении.

В то время о них говорили, что султан отличался женской красотой и мягкостью, а его фаворит Ибрагим – мужской силой и волей. Те, кто завидовал новому статусу Ибрагима, шептались по углам, что Сулейман, более молодой из двух, держал при себе грека, чтобы спать с ним по ночам. И действительно, Сулейман часто приглашал грека провести ночь в его спальне для свободного разговора после утренней молитвы.

Порой юзбаши внутренней службы замечали выходящим из дворца в поздние часы, хотя он старался одеться так, чтобы его не узнали. Однако и не похоже было, чтобы он направлялся в какой-нибудь определенный дом. Вместо этого его видели рыщущим по улицам, ведущим к лодочной пристани на берегу Босфора. Там он заворачивал в винные погреба своих бывших соотечественников в долгих поисках человека, опустившегося от пьянства. И уходил оттуда с тем человеком.

Когда Сулейман узнал об этом, поскольку рано или поздно слухи о том или ином происшествии доходили и до него, он послал домоправителя узнать, кого именно ищет Ибрагим.

Агент доложил султану о выполнении поручения только после того, как выяснил все обстоятельства дела.

– Иногда юзбаши обнаруживал этого человека спавшим в ночных канавах, иногда пьянствующим. Он пытался поставить его на ноги, отвести во двор мечети, чтобы тот выпался. Однажды принес бродяге чистую одежду, чтобы тот переоделся. Юзбаши требовал от него перестать жить в грязи. Но сколько бы ни давал этому нищему золотых динаров или серебряных монет, тот покупал на них вино. Бродяга – отец юзбаши, который когда-то был греческим моряком.

После доклада Сулейман распорядился снять слежку за Ибрагимом.

Каждое утро прислужник помещал в кошелек на поясе султана тридцать две дольки золота, чтобы властитель расходовал их в течение дня. Потому что, когда султан выезжал за ворота дворца, даже если он ехал за парадным строем кавалеристов – сипахами, в сопровождении оруженосца, гонца и других слуг, люди из толпы все равно прорывались к его стремени за получением милостыни, с прошениями о предоставлении службы или оказании помощи в их безвыходном положении. Иногда подавались подарки, привязанные к палкам. Это был айин

– древний обычай, согласно которому любой подданный, представший перед правителем, должен был быть выслушан и вознагражден им.

Порой Сулейману приходилось разрешать неожиданные проблемы прямо в седле. И он сожалел, что его считают таким же мудрым, как и древнего Соломона. Банщик из Сиваса, которого слугитель тащил в суд за то, что тот пил кофе, громко пожаловался султану на улице. Кофе, доказывал банщик, не противоречит закону. Верно, что некоторые люди считают этот напиток врагом сна и совокупления, но закон не запрещает его. Устанавливал ли пророк закон, запрещающий пить кофе?

Как обычно, жалоба прозвучала при народе, вокруг собралась большая толпа людей, молчаливо ожидавших ответа султана. Ведь слово Сулеймана могло заточить в тюрьму или освободить жалобщика, казнить его или помиловать в одно мгновение.

В голове Сулеймана мелькнула мысль, что во времена пророка, десять веков назад, кофе еще не был известен. И все же ему нужно было решить судьбу банщика.

– Не думаешь ли ты, пришелец из Сиваса, – спросил султан, – что пророк пил кофе на улице?

Банщик подумал и ответил:

– Нет.

– Отпусти его, – приказал Сулейман надзирателю и поскакал дальше.

Ему не только приходилось быть судьей, нужно было замечать достойные и предосудительные поступки людей в тех местах, по которым он ездил. Этого требовал айин. Касим никогда не уставал рассказывать, как строгий по-военному Мурад – султан, создавший непобедимый корпус янычар, – приказал надеть лошадиное седло на повстречавшегося ему крестьянина. Тот стоял у хлебной лавки, лениво пережевывая лепешку с чесноком, в то время как его ожидала лошадь с тяжелым грузом на спине. Мурад немедленно остановился и приказал крестьянину положить свою ячменную лепешку перед лошадью, а на себя надеть седло с грузом и стоять так, пока лошадь не съест лепешку. Вот так прямодушный Мурад дал понять крестьянину и всем, кто наблюдал эту сцену, что нельзя расслабляться, пока не позаботился о своей лошади. (И поскольку Мурад установил этот принцип, Сулейману приходилось следить за тем, чтобы всадники не злоупотребляли терпением своих лошадей).

Популярное в стране изречение гласило: «Отданный приказ должен быть выполнен». Старые обычаи были санкционированы свыше, а раз так, они не могут быть изменены.

Овчина в сокровищнице

Айин, старый турецкий обычай, следовал за Сулейманом повсюду, куда бы он ни направлялся. Султан всегда предстал перед людьми, сидя в седле. Даже когда покидал ворота старого дворца, чтобы добраться до Больших ворот горного сада, где проходили совещания сановников. Он никогда не ходил пешком, не ездил в повозке.

Тем не менее, если ему приходилось встретиться с носильщиком, согнувшимся под тяжелой ношей, или больным, которого везли в больницу, султан всегда должен был уступать дорогу. Ему доставляло удовольствие проезжать мимо взметнувшейся вверх громадины Аяа София, поворачивая под кронами платанов к Большим воротам. Там толпился народ, теснясь и толкаясь, подобно овцам у входа в загон. (По этим Большим воротам иностранцы вскоре станут называть Османскую империю Блистательной Портой).

За белыми воротами направо располагалась территория больницы, но его всегда инстинктивно тянуло бросить взгляд налево, где за гигантскими платанами находились казармы янычар. Часть этих воинов уже поджидали султана с барабанным боем. Но Сулейман смотрел в их сторону для того, чтобы выяснить, опрокинули они свои объемные котелки для супа вверх дном или нет. Как янычары подрубали веревки, натягивавшие их палатки, в знак скорби по

умершему султану, так они могли и перевернуть вверх дном свои котелки в знак обиды на нового султана. Пока котелки не были перевернуты...

Только он, султан, имел право проезжать через вторые ворота на чистые лужайки, где находилось небольшое здание с часами на башне.

Через третьи ворота не проходил никто, кроме чиновников и стражников дворца, в обязанности которых входило заботиться о сохранности ценных вещей – мантии пророка, привезенной Селимом из Мекки, библиотеки ученых книг, которую начал собирать Мехмет Завоеватель. Это были ценности Дома Османов. Напротив строения, в котором хранились эти ценности, находились классы юных воспитанников двора. Часто, проходя мимо, он слышал звуки флейт и виол, на которых играли воспитанники, обучавшиеся управлению империей. Они ловили момент для развлечения, не зная, что султан их подслушивает.

Сулейман, разумеется, мог заходить куда угодно. Ни одна дверь на огромной территории от Дуная до устья Нила не была для него закрыта. Высокий и сдержанный, хладнокровный и уверенный, он привлекал к себе восхищенные взоры, султана приветствовали все, кто его видел:

– Многие лета удачливому сыну Селима!

Но за его блестящим облачением, в котором обычно сочетались серый и белый или черный и золотистый цвета, за его сдержанным поведением прятались робость и страх. Внутренне Сулейман трепетал перед громадой ожидавших его задач – задач обеспечения средствами к существованию и защите закона сотен тысяч людей, зависевших от него.

Он совершал свои ежедневные дела, радуясь тому, что в эти трудные месяцы никто не видел его слабости. Слова Ибрагима перекликались с его мыслями: «Один человек – одна цель». Он чувствовал себя свободно только в семье или когда выбирался поохотиться в небольшой компании. И мысленно повторял свои собственные слова: «Мой народ – моя семья». В праздных же мыслях воображал, что однажды все подданные станут похожи друг на друга. Но надежды на это было мало.

Сулейман чувствовал страх перед бременем проблем, свалившихся на него, даже тогда, когда в сопровождении смотрителя ходил по комнатам дома, где хранились сокровища. Ему показали тяжелый, почти прямой меч Мехмета Завоевателя, лежащий среди тщательно промаркированных и опечатанных свертков. Сулейман не захотел взять его в руки. Пробежал взглядом по плюмажам Мурада из павлиньих перьев и парчовой накидке, вышитой золотом, которую надевал по праздникам его отец. Затем повернулся к часам в перламутровом корпусе, подаренным европейцами, и стопкам изящных зеленых и синих блюд, изготовленных из китайского фарфора.

– Хотелось бы, чтобы они использовались в деле, а не хранились здесь, – заметил молодой султан.

И тотчас же полки с блюдами были очищены слугами смотрителя.

Сокровищница походила на склад товаров. В ней хранились украшенные жемчугом седла, серебряные уздечки, даже инкрустированная драгоценными камнями хлопушка для мух. Большинство вещей были подарками султанам, которые, в свою очередь, дарили их другим по случаю праздников, таких, как Новый год или день рождения пророка. Копить сокровища считалось предосудительным. Сундук с золотыми дукатами, присланный из Венеции в качестве дани, был предназначен для пересылки в арсенал на постройку боевых кораблей... В темном коридоре Сулейман обнаружил грубую одежду из тяжелого белого войлока и черной овчины. Ему объяснили, что эта одежда принадлежала его предкам – Осману и Эртогулу.

И снова смотрителю пришлось рассказывать султану о легендарном Эртогуле. О том, как двести лет назад клан османов численностью не более четырехсот сорока четырех семей кочевал под верховенством своего вождя Эртогула по равнинам Анатолии. Это было тогда, когда более многочисленные и сильные племена бежали на запад от нашествия могуществен-

ных монголов. И вот в то голодное время Эртогул смог сохранить свои стада и его соплеменники выжили. Однажды они увидели, как на равнине под ними разворачивалось сражение. Они наблюдали за ним, но не знали, кто с кем бьется.

И тогда Эртогул повел своих людей с гор вниз, на помощь всадникам, терпевшим поражение. Эта неожиданная поддержка помогла могущественному султану Кайхосрову, чье конное войско состояло из турок-сельджуков, нанести поражение монголам и отбросить их на восток. Согласно легенде, в награду за поддержку Кайхосров одарил род Эртогула землей.

Как понял Сулейман, это небольшое земельное владение у реки Анкара положило начало империи Османов. Иногда воины этого рода служили ослабевшим сельджукам, иногда – Византии, пытавшейся удержаться на последних границах Римской империи. Первые Османы были горсткой меченосцев среди огромных потоков переселявшихся народов. Эти отважные воины занимались грабежом вдоль границ соседних государств, осмеливались окружать большие города и брать их после нескольких лет упорной осады. А как могли устоять эти города, если все дороги к ним были блокированы? Вступив в город, они захватывали пушки и специалистов, способных создать новое, более мощное оружие. Османы брали дань с богатых стран в качестве вознаграждения за их защиту. После того как исчезли сельджуки вместе с Кайкобадом и Кайхосровом, а византийцы, изнуренные многолетней борьбой, укрылись за тройными стенами Константинополя, османы остались единственной дисциплинированной силой, направляемой руководством, которое не отступало ни перед какими опасностями. Они пересекли бурные Дарданеллы, когда землетрясение разрушило крепости на европейском берегу, подтянули свои корабли к бухте Золотой Рог, уничтожили тройные стены неприступного Константинополя. Таким был невероятный взлет османов. Они стали первым племенем Передней Азии, которое пробилось в Европу для того, чтобы обосноваться и править в ней.

Сулейман был убежден: все это удалось не по Божьей милости, а благодаря способностям и воле самих османов – усилиям девяти их выдающихся вождей. Осман носил накидку из грубой овечьей шерсти, Селим – богатую шикарную одежду, вышитую золотом. Если хотя бы один из девяти вождей османов за два с половиной века их возвышения оказался слабым, они разделили бы судьбу других воинственных кочевых племен, подобно суровым туркменам в шапках из белой овечьей шерсти. Впрочем, некоторые из девяти допускали промахи. Мурад был дерзок до безрассудства. Селим не знал меры в своей жестокости. Но в памяти людей остались их выдающиеся деяния, а недостатки забылись. Ведь безрассудный Мурад создал непобедимую армию турецких аскеров. Селим же, мистик по натуре, провел свою армию триумфальным маршем, подобно легендарному Александру Македонскому, через всю Переднюю Азию от Нила до горных вершин Курдистана. Да, если бы из цепи выпало хотя бы одно звено, рухнула бы вся цепь.

Теперь он, Сулейман, десятый султан османов, стоял посреди странной сокровищницы вождей его рода. Европейцы и Ибрагим уже говорили о нем как о главе падишахства. В каком направлении он его поведет, какую судьбу уготовит своему народу? Не становится ли управление падишахством все труднее с каждым поколением людей? Или вождь османов, преодолевая невероятные трудности, обеспечит народу судьбу, о которой люди могут только мечтать?

Даже Пири-паша не смог бы ответить на эти вопросы. Ибрагим смог бы, в свое время. Сулейман, проницательный и способный к самооценке, слишком хорошо знал свои слабости. Будучи чувствительным, он умел ценить красоту, желал видеть вокруг себя только такие изящные вещи, как изделия из китайского фарфора. Не имея собственной определенной цели, был склонен полагаться на других и хотел бы, чтобы им руководили мудрецы. Не испытывая потребности командовать армией – отец держал его вдали от дел, связанных с воинской службой, – Сулейман понимал, что он должен либо содержать всемогущую армию в привычном для нее режиме, либо изменить правление падишахством до такой степени, чтобы вообще от нее освободиться. Но ни то ни другое его не устраивало.

Несомненно, айин предостерегал Сулеймана от конфликта с армией. С детства он помнил старую песню о четырех жизненно важных принципах:

Чтобы владеть страной, необходимы воины.
Чтобы содержать воинов, нужно имущество.
Чтобы располагать имуществом, нужен богатый народ.
Богатый народ можно сделать только при помощи законов.
Если бездействует хоть один из этих принципов, рушатся все.
Когда рушатся все принципы, теряется власть над страной.

Никому не доверяя свои тайные мысли, молодой султан решил действовать вопреки старому обычаю – преобразовать армию и сделать закон первейшим из четырех жизненно важных принципов. Он будет править страной на основе новых законов, и власть над ней не будет утрачена.

В одном из уголков сокровищницы хранился первый штандарт Османов – небольшой столбик с прибитым наверху медным полумесяцем. Под ним висели два высушенных белых конских хвоста. Древнее дерево было тщательно промаслено, а длинные волосы хвостов аккуратно расчесаны. Сопровождавшие Сулеймана служащие сокровищницы рассказали ему с улыбкой, что один из племенных предводителей задолго до Османов, потеряв в битве штандарт, немедленно отрезал хвост у своей лошади, чтобы соорудить новый.

Для людей, почтительно толпившихся вокруг султана, он, Сулейман, был не более чем молодым человеком, которому выпала доля управлять страной. Они пытались убедить его в важности деревянного столба с конским хвостом.

(А он не знал, насколько его народ зависит от своего предводителя, поскольку мало видел тому свидетельств. Вот в прошлом люди следовали за предводителем или бросали его по своему желанию. Это были добровольные объединения людей. Соплеменники сохраняли традиции поддержания порядка и дисциплины, кочуя от пастбища к пастбищу единым сообществом, каждый член которого выполнял определенную работу. Люди и сегодня еще хранили в сундуках старые платья. Во время продолжительных кочевий по равнинам они считались ценным имуществом, поскольку производить новое было затруднительно. Раньше люди ждали от предводителя указания верного пути, идти по которому они могли согласиться или нет.

Особенность османских турок состояла в том, что они пережили много перемен, но сами при этом не изменились. Для них древние конские хвосты, как языки пламени в очагах, олицетворяли их собственное прошлое, из которого выросло настоящее).

Сулейман безошибочно определил первейшую потребность своего народа. У них была плодородная земля, способная давать богатый урожай, и богатые травой пастбища, которые могли накормить и лошадей, и ангорских коз. А со времени Османа и даже раньше все держалось на крестьянском хозяйстве. Крестьянина с его быком и деревянным плугом не заменить никем. Солдаты, конечно, могут добыть трофеи в дальних странах – всадники племени нередко возвращались после дальних рейдов с добычей, пополнявшей имеющиеся запасы, но прежде всего армия должна завоевывать новые земли в долинах с водными источниками или на берегах рек, чтобы кормить растущее число ртов.

В конце концов, основным долгом нового правителя было кормить сотни тысяч своих подданных. Когда Сулейман выходил из сокровищницы, он думал, как мало значит ее содержимое по сравнению с обширной территорией богарных земель, засеянных под будущий урожай. А сам он, в сущности, слуга этой земли.

Розарий между двумя мирами

Его первые законы касались землепользования, зимних и летних пастбищ, взимания с содержателей ульев десятины полученного меда. Во всех таких случаях высказанное им слово (урф) становилось законом (кануном), который все должны были соблюдать.

Теперь Пири-паша признавался Носителем бремени только по традиции и правилам дворцового этикета. В действительности все бремя правления государством легло на плечи султана. Вступив в двадцать шестой год жизни, он ощутил тяжесть этого бремени в полной мере, так как понял, что значит кормить людей и управлять ими. К неудивительно, что он немедленно повел свой народ в сторону Европы.

Вполне возможно, что такое решение пришло к нему во время пребывания в четвертом дворике дворца на мысе. Это местечко, расположившиеся позади трех других оживленных дворики, представляло собой миниатюрную рощу из старых сосен и изогнутых кипарисов на самом краю дворцового комплекса, там, где ограждавшая его стена длиной в три мили спускалась к морю. Все сменявшие друг друга султаны выбирали этот дворик для уединения. Садовники вырыли в нем небольшое озерцо, посадили кусты роз, создали укрытый деревьями и кустами лужок, где рядом с фонтанами можно было совершать намаз. На лужок выходили лишь окна сокровищницы Святой мантии.

Отсюда также можно было наблюдать за жизнью на окраине города. Ниже за косогором протянулись тренировочные площадки, где молодые рекруты постигали искусство верховой езды, гоняли на лошадях деревянный мяч или метали дротики. Своих лошадей они содержали в пустых каркасах византийских монастырей.

Когда Сулейман взбирался по тропе Ревущего Верблюда – прозванной так юными садовниками, которые одновременно были помощниками султана, – на него из-за стены подул ветер. Сулейман остановился как раз между двумя мирами – Востоком и Западом. Напротив, в Азии, упирались в небо кипарисы Джамилии. Направо, вдоль Белого (Мраморного) моря, которое впадало в более обширное Средиземное море на западе, едва проглядывали сквозь дымку острова. Налево ветер поднимал рябь и белые барашки в Босфоре, уводившем к Черному морю и караванным путям на Восток. Больше нигде в мире монарх не мог ходить по саду и одновременно видеть два континента, два моря, на которые простирается его власть. Позади султана закат подрумянил извилистые берега гавани, окаймленные мачтами рыбацких лодок и галер, стоящих на якорях. Это была оживленная узкая бухта, напоминавшая по форме крученный рог барана и потому названная Золотым Рогом. За лесом мачт помещались навесы Арсенала, темнели портовые склады, высились дворцы венецианцев, генуэзцев и греков, которые торговали там с соизволения султана.

Во время таких прогулок Сулеймана сопровождал учтивый Пири-паша, потому что до самого сна молодого правителя одолевали разнообразные мысли. Пири-паша советовал ему взвешивать каждую из них и не торопиться в решениях.

– Спешка – от дьявола, – повторял он, – терпение – от Аллаха.

Пири-паша настойчиво направлял мысли султана к Азии. Там все было издавна знакомо. Много ли значит потеря нескольких лодок, унесенных во время наводнения вниз по течению Нила, если могучая река выносит в это время со своего дна на пустынные берега массу плодородного ила? Что из того, что еврейские караваны ослов тащатся чересчур медленно мимо Алеппо в поисках дороги на Самарканд?

Они привозят на обратном пути ценные грузы белой бумаги и голубой бирюзы, пряностей и фарфоровых изделий. Почему паломники движутся разными путями к Скале вознесения пророка в Святом городе (Иерусалиме) или пустынными тропами к гробнице храма Кааба в Мекке? Они возвращаются оттуда с ощущением спасенной души. Что значит против этого

мешки с золотосодержащей рудой, которые верблюды берберов доставляли из потайных шахт в глубине Африки на заезженную древнеримскую дорогу, вьющуюся вдоль Средиземноморского побережья Африканского континента от обрушившихся куполов Александрии до суматошного порта Алжир – на западе? Нет, пусть торговля развивается в западном направлении и люди, живущие там, взвешивают приобретенное серебро, подсчитывают количество вырученных монет. После смерти их прибыль превратится в ничто. Тогда любой паломник, медленно бредущий путем милости Божьей, станет богаче их.

– Даже одиннадцать разбойников не смогут меня ограбить, – говорил Пири-паша, – если мой кошелек пуст.

Что же касается богатства, то пусть Сулейман, сын Селима, сосчитает, если сможет, неисчислимы сокровища Азии. По равнине беспрерывно текут потоки от снегов горы Арарат, к которой приставал Ноев ковчег. Здесь сапфиры не могут сравниться с голубизной озера Ван. Поля Сирии, орошаемые Евфратом, зеленее изумрудов. Там, где с холмов струятся воды Тигра, спелая пшеница ярче золота. Даже из горного чрева добываются несметные количества соли. На безбрежной поверхности равнин Анатолии кормятся и множатся табуны прекрасных коней. Такое богатство не может исчезнуть в короткий срок, оно исходит от Аллаха. Пири-паша протянул руку, указывая на возвышенность, расположенную за водной гладью:

– Баллах! Европейцы пришли сюда с незапамятных времен, чтобы построить Золотой город. Возможно, это были греки. Где сейчас их город? Остались только поросшие травой могилы в Джамили.

– Здесь остались только мертвые, – напомнил старику Сулейман. – Живые отсюда ушли.

– Что значит мертвый? В свое время греческий философ Пифагор полагал, что субстанция вечна и бессмертна. Все связано друг с другом, и ничего нового не происходит в этом мире. И хотя Пифагор был греком, он говорил правду.

Очевидно, Пири-паше не нравилась Европа, особенно Ибрагим, юзбаши внутренней службы дворца. Паша утверждал, что в Европе не разводятся хорошие породы лошадей. Европейцы строят дома, которые нельзя использовать как шатры, но они похожи больше на городские башни, заслоняющие солнечный свет. Зимой они сидят вокруг своих костров и очагов, наливаются вином. Чтобы добыть себе еду, толкаются на рынках, где орут, как пьяные. Они записывают свои дела и научные открытия в книгах и совершенно не ценят живое слово. Что касается религии, то разве не они сожгли на костре главу одного из дервишеских орденов Савонаролу, разве не они пытаются купить спасение в своих церквях за деньги? В сущности, европейцы отчаянно добиваются преходящего, пренебрегая вечным.

Однако Сулейман в молодом задоре решил повернуться спиной к Черному морю и выбрал море Средиземное. Он решил повести турок в Европу, чтобы соотечественники узнали образ жизни европейцев. Разве он, как и европейцы, не принадлежал к белой расе? Разве он не был так же светлоок, как они, и его кожа не была столь же светла? Если бы он поменялся одеждой с одним из европейцев, то мог бы выглядеть как один из них.

Весной 1521 года, когда растаял снег, была мобилизована армия. Как только начались паводки и свежая трава выросла настолько, что лошадиным табунам стало возможным кормиться, разбросанные по разным местам тюмены стали продвигаться на север, чтобы выполнить задачу, поставленную еще Селимом, но отложенную из-за его смерти. Задача состояла в нашествии на Восточную Европу.

Сулейман почти не принимал участия в военных приготовлениях. Пири-паша и ветераны-военачальники считали, что он еще не готов взять на себя всю полноту ответственности за войну. Они знали, что у молодого султана нет опыта ведения боевых действий, и даже сожалели, что снова возникла необходимость вести в поход армию. Утверждалось, что гонец, посланный к венгерскому королевскому двору объявить о восшествии на престол Сулеймана,

был жестоко обезображен – ему отрезали уши и нос. Поэтому армия выступила, чтобы отомстить венграм.

Даже если такой случай и имел место, он послужил не более чем предлогом. На самом деле армия выполнила волю султана Угрюмого вторгнуться в Европу. Более конкретно Пири-паша разъяснил Сулейману цель военной кампании по карте – теперь армия должна выполнить то, что не удалось ни Селиму, ни Мехмету Завоевателю, а именно уничтожить оборонительные сооружения по берегу Дуная. Нужно взять Белый город, Белград. Этот Белый город, расположенный на возвышенности к югу от полноводного Дуная, служит для европейцев плацдармом. Он дерзко стоит в горном проходе, образовавшемся в месте, где Дунай покидает один горный массив и входит в другой. Захватом города армия Сулеймана откроет путь между двумя горными массивами к Бude, Праге и Вене.

Сулейман оценил то, что увидел на карте. У него была возможность отказаться от командования армией вторжения. Без него не выступили бы в поход и янычары.

– Да, – сделал он выбор, – мы пойдем на Белград.

Тогда его попросили отдать приказ бить в большой бронзовый барабан победы. Сулейман приказал и сразу же услышал металлический звон барабана у Больших ворот. Барабан издавал необычные звуки, которые разносились по улицам города, взывая к толпам людей: «Идите по дороге, которая вас ждет. Идите в дальние страны!»

Пири-паша объяснил, что это барабанный бой молодых солдат, которых европейцы прозвали янычарами.

Много лет назад в степях Азии, рассказывал Пири-паша, отличившиеся в боях ветераны-османы, число которых никогда не превышало несколько тысяч, обучали пленных молодых воинов искусству кавалерийского сражения. Османы использовали иноземцев так же, как жители степей диких животных. Из отобранных парней они создавали новые отряды завоевателей, захватывая новые земли и беря себе на службу их обитателей.

В Европе они продолжали разбавлять отряды молодых турок пленными христианами. А также каждые три-четыре года на воинскую службу призывали мальчиков из христианских семей завоеванных наций. У каждой семьи брали мальчика семи-восьми лет, достаточно юного, чтобы порвать его связь с родным домом. Рекрутов тщательно расспрашивали в приемных центрах от Адрианополя, старой турецкой столицы, до Бурсы, где имелись гробницы усопших султанов. Затем мальчикам давали новые имена и с ними начинали серьезно заниматься, чтобы они окрепли физически и выучили турецкий язык.

Об отобранных подростках внимательно заботились, их хорошо кормили и одевали. Наиболее способных посылали в специальные школы. Большая часть новобранцев становилась аджем оглан – новобранцами-янычарами, по выбору занимавшимися благоустройством садов, служившими на кораблях в Галлиполи или в столовых опытных янычар. Они постоянно упражнялись во владении оружием, особенно ятаганами, стальными дротиками или короткими с упругой тетивой турецкими луками. Обычно подросткам не нравились новые громоздкие кремневые ружья. Некоторые предпочитали упражнения в верховой езде и тогда становились сипахами, кавалеристами.

В двадцатилетнем возрасте аджем огланы вырастали в атлетов, умело обращавшихся с оружием, дисциплинированных и связанных узами братства. Их домом были казармы. После этого им присваивали почетное звание янычар, имевших право носить высокую дервишескую шапку, или, если были вакансии, их приписывали к кавалерийским подразделениям.

Не имело значения, происходили рекруты в янычары из богатых или бедных семей. (Немало иностранцев пытались определить своих сыновей на службу султану, рассчитывая, что те займут постепенно высокое положение в государстве. Многие рекруты оставались в душе христианами.) Во время сурового обучения почти без оплаты новобранцам не на что было положиться, кроме как на свои способности. Они хранили верность только султану.

Новобранцы отличались необузданным нравом молодых воинов. Долгое пребывание в городе утомляло их. Ведь их учили маршировать, биться в сражении и патрулировать завоеванные земли. Они рвались пуститься рысью вдаль, к новым землям и возможностям.

– В городе они чувствуют себя неважно, – объяснил Пири-паша. – Здесь им надоела муштра и городская кухня. Вам нужно их взбодрить.

Когда бой барабана зазвучал за пределами казарм янычар, Сулейман в нарушение традиции появился среди них пешим. В это время молодые воины выстроились для получения денежного вознаграждения перед выступлением в поход. При жизни многих поколений султаны считались почетными командующими янычар, и они весьма дорожили этим званием. Теперь молодой стройный султан присоединился к ним для получения своего денежного содержания как офицера.

В молчаливом ожидании к султану приблизились атлеты в шароварах и легкой кожаной обуви. Дюжий командир янычар потянул в удивлении за концы своих усов, когда Сулейман принял от казначея увесистую горсть серебряных асперсов. Будет что рассказать своим кавалеристам, подумал ага. Ничто не могло поразить этих пожизненных солдат больше, чем зрелище султана, прячущего в карман свое денежное вознаграждение. Этот птенец, ликовали они позже в казармах, уже вполне оперился. Он любит печатать шаг, в душе – пехотинец. Теперь кавалерия отойдет на второй план, где ей и место. Сын Селима не пожелал получать жалованье в качестве кавалериста.

Со стороны Сулеймана это был всего лишь жест, но весьма своевременный. Он присоединился к свирепому братству, которого больше всего боялся. В походе на север султан не стремился к уединению, как это было в городе. Он постоянно находился среди воинов, советуясь с самыми старыми из них, и принимал решения на основе их советов.

Внешне возглавляя армию, Сулейман на самом деле просто следовал за ней. То, чего он опасался, оказалось приятной прогулкой в северные долины, где европейские крепости стояли как дорожные знаки. Каждый день он слышал оживленное обсуждение прошлых великих побед. Под Никополем был уничтожен последний крестоносец, у Косова – на Поле ворон – гордые сербы подчинились силе, которая со времени Мехмета не знала поражений.

Белый город

Распорядок дня Сулеймана оставался таким же, как и при жизни во дворце, за исключением того, что каждый день он продвигался вперед и ночевал в роскошном шатре под охраной тщательно отобранного отряда лучников. Государственные органы, правительство путешествовали вместе с ним, начиная от Пири-паши и кончая самым мелким казначеем. Пехота и кавалерия янычар, как и прежде, держались рядом с ним. Только их музыканты играли для него каждый вечер, а деловитые мастера готовили дорогу для транспортировки тяжелых осадных орудий.

Куда бы ни шел султан, он был окружен живым барьером – подразделением стражников (солаков), состоявшим из полутораста ветеранов-янычар, у которых была единственная задача – охранять жизнь монарха. Они держали наготове луки и по ночам занимали посты недалеко от шатра султана. В походе его сопровождала еще одна группа людей, которые, подобно гончим псам, вертелись вокруг лошади своего хозяина. Это были натренированные курьеры (пейки), которые разносили его послания и доставляли ему все, что он желал.

Перед ним не было никаких фуражиров и легкой кавалерии, мародерствующих на территории боевых действий. За продвижением Европейской или Азиатской армий султан мог следить только по карте. Эти огромные массы кавалерии состояли из феодальных рекрутов – турецких землевладельцев с боевыми дружинами. Призывающиеся перед каждой военной кампанией и не получающие никакой платы, они находили фураж сами, двигаясь с появлением

травы с теплого юга на прохладный север. За Азиатской армией следовали длинные вереницы верблюдов.

Эти два мощных крыла вооруженных сил могли действовать самостоятельно или оказывать поддержку регулярной армии султана, состоявшей из корпуса янычар и тяжелой артиллерии, которые никогда не отступали перед противником.

С продвижением Сулеймана на север эти войска на флангах обходили и захватывали небольшие крепости вдоль Дуная. Осадой самого Белграда руководил Пири-паша. Между тем вверх по реке двигались против течения боевые суда и баржи с боеприпасами, провиантом. У Сулеймана почти не было дел. Ему оставалось только наблюдать за происходящим да присутствовать на военных советах, если возникала необходимость в их проведении.

Ежедневно Сулейман вел дневник, который затем пережил века.

Записи в дневнике были столь кратки, что, казалось, для каждого дня предназначалось всего одно слово. Он отмечал привалы в том или ином месте. Или коротко писал: «Отдых». Но за сжатостью и аккуратностью стиля дневника скрывался живой интерес к людям, которые попадались на глаза султану. Один из всадников был избит палками за то, что затоптал урожай пшеничного поля. Пехотинец – обезглавлен за то, что украл репу с огорода. (Армия все еще находилась в «зоне мира», обеспечивавшегося турками, и строгие приказы запрещали войскам наносить ущерб местному населению. С переходом во враждебную «зону войны» ситуация должна была измениться).

«7 июля. Говорят о взятии Шабаци. В лагерь доставлены сто голов солдат гарнизона города, которым не удалось уйти...»

8 июля. Головы этих солдат помещены вдоль маршрута движения войск.

9 июля. Привал... Сулейман (так султан писал о самом себе) устроился в избе, чтобы ускорить строительство моста своим присутствием... Султан постоянно навещает место строительства моста.

18 июля. Мост построен. Уровень воды в Саве достигает настила.

19 июля. Вода заливает настил. Переправа через мост невозможна. Приказываю форсировать реку в лодках-плоскодонках».

Тяжелые военные грузы и продовольствие направляются окольным путем. Форсирование Савы становится для Сулеймана важной задачей. Личным присутствием он демонстрирует свою ответственность за ее решение.

С прибытием Сулеймана под осажденный Белград его дневник ведется так же лаконично и отрывисто. Однако, сопоставив детали, можно проследить картину падения еще не завоеванного города, несшего боевую вахту. Соседние города уже захвачены. Турецкие корабли блокируют реку за городом. Подразделения янычар контролируют острова. Тяжелые осадные орудия по обоим берегам реки разрушили часть внешней стены Белграда.

«3 августа. Ранен командир янычар, ага Бали.

8 августа. Противник оставляет оборонительные сооружения у внешней стены и предает их огню. Он отступает в цитадель-крепость.

9 августа. Приказываю взорвать башни цитадели.

10 августа. Установлены новые артиллерийские батареи».

Через неделю гарнизон крепости, лишенный возможности продолжать сражение, капитулирует. Из крепости выходит командующий осажденных войск, чтобы поцеловать руку Сулеймана, и его одаривают кафтаном.

«Верующие созываются совершить намаз. Военные музыканты играют три туша внутри города. Сулейман пересекает мост и въезжает в Белград, где направляется для пятничной молитвы в церковь у внешней стены, превращенной в мечеть».

На следующий день Бали-ага получает вознаграждение в три тысячи асперсов. Пленным венграм позволено пересечь реку и удалиться на родину. Сербы направлены на юг в Константинополь, где их затем расселили в предместье города, названного ими Белградом. Сулейман верхом на коне осматривает город и затем отправляется на охоту. Новым губернатором Белграда он назначает Бали-агу.

После этого в дневниковых записях появляются заметные нотки гордости. Сулейман хорошо справился со своей ролью. Его армия овладела рядом городов-крепостей по среднему течению Дуная – Шабац, Землин, Смедерево и, наконец, Белград, повернув их орудия на север за реку, вырубив леса, прикрывавшие северный берег реки. Был открыт путь в Среднюю Европу. Сулейман вполне мог позволить себе поохотиться.

То, чего султан боялся больше всего, не случилось. Кажется невероятным, но ни одна из европейских армий не пришла на помощь оборонявшимся дунайским городам. Возможно, европейские лидеры были захвачены врасплох или же были слишком озабочены действиями нового императора Карла V. Во всяком случае, никто не двинул войска для участия в битвах на берегах Дуная. Впервые Сулейман наблюдал, как противоречия могут ослабить силы противника. Он помнил высказывание Ибрагима о силе целеустремленного человека.

Однако султан не был вполне уверен, что хотел бы видеть европейских монархов своими врагами. На этот счет он мог воспользоваться рекомендациями своих советников, хотя бы Ибрагима.

Как по сигналу, с первыми морозами сентября турецкая полевая армия повернула домой. Она была отягощена большой добычей, предназначавшейся для вознаграждения участников похода. На обратном пути армии рассеялись, чтобы вовремя вернуться на родные земли и принять участие в уборке оставшегося урожая. Их лошади должны были достичь родных мест, прежде чем там сойдет трава. Вряд ли могли бы пережить осенние холода на севере верблюды. Благополучие животных и урожай в конце военной кампании были приоритетом.

Сулейман остался доволен военной кампанией. Он продемонстрировал свою гордость достигнутыми успехами, направив официальные извещения о падении Белграда двум дружественным европейским государствам – Венеции и Дубровнику. Напуганные венецианцы наградили турецкого посла пятьюстами золотыми дукатами.

– Турки идут на войну как на свадьбу, – впоследствии жаловались они.

В Риме энергичный Паоло Джовио, не упоминая ни единым словом свое пророчество о том, что Сулейман будет ягненком, а не львом, писал: «Военная дисциплина турок идет от их веры в правоту своего дела и жестокости, которыми они превосходят древних римлян. Турки превосходят наших солдат в трех компонентах: беспрекословном подчинении своим командирам, пренебрежении к своим жизням в бою и выносливости. Турки способны долгое время обходиться без хлеба и вина, довольствуясь ячменной лепешкой и водой».

В Англии король Генрих VIII прокомментировал поход турок по-своему: «Событие при-
скорбно и значимо для всего христианского мира».

Когда Сулейман вернулся в Константинополь, его жители поднялись на холм Айруба, с ликованием приветствуя монарха. Они толпились по сторонам улиц, когда он ехал в мечеть молиться. Тех, кто принимал участие в походе, султан одарил подарками. Для жителей города устроил веселое торжество при горящих лампах.

Венецианцев, присутствовавших на этом празднике, после падения Белграда одолевали мрачные предчувствия. Они увидели в Сулеймане еще одного великого турецкого завоевателя.

Глава 2

ПОЛЯ СРАЖЕНИЙ

Незаконнорожденный из Магнифика Комунита

К концу второго года правления Сулеймана Мессер Марко Меммо, посол Великолепной Синьоры Венеции, праздновал гипотетический день рождения своего тезки святого Марка со смешанным чувством удовлетворения и тревоги. Удовлетворение было вызвано подписанным молодым султаном и им от имени Венецианской республики первого двустороннего договора на зависть подесте Генуи, посланнику Дубровника и агенту короля Польши. Это были единственные представители европейских государств, пребывавшие среди нечестивых турок, и в этом крохотном дипломатическом корпусе Мессер Меммо считал себя наиболее значительной персоной. Подписание договора между Венецией и Османской Турцией он приписывал своим недюжинным дипломатическим способностям.

Тревога же посла была связана с возросшей активностью в Арсенале, которую он наблюдал с крыши галереи своего дома, расположенного рядом с дворцом Баильо в Галате. Со ступеней Арсенала сходили галеры, поразительно напоминающие лучшие боевые суда Венеции. Меммо подозревал, что корабли были построены по венецианским чертежам, хотя и не мог сказать, кто передал их туркам. Не мог он знать и того, как непредсказуемые Османы намерены использовать новые суда. Мессера Меммо раздражало несоответствие между его показной и реальной властью. В его квартале Магнифика Комунита – городе в городе – алебардисты сменяли друг друга на постах вдоль глухого каменного забора под барабанный бой и демонстрацию флагов. С высоты массивной дворцовой башни в Галате посол вглядывался в поросший лесом мыс у входа в бухту Золотой Рог, где прогуливался в своем саду султан. В этом месте не было ничего воинственного, за исключением, может быть, высокой сторожевой башни, стоявшей на трех деревянных подпорках. Тем не менее было достаточно одного слова султана, чтобы весь дипломатический корпус удалили из этого великолепного квартала. Иностранные дипломаты жили здесь только потому, что Мехмет Завоеватель, захвативший Константинополь, позволил им находиться в этом месте. По милости того же Мехмета иностранцы пользовались старыми привилегиями, касающимися бартерного обмена их товаров на турецкое зерно, рабов, лошадей, шелка и пряности. Мехмет потребовал только, чтобы ему отослали ключи от ворот Галаты в знак капитуляции и чтобы христиане сняли со своих церквей колокола, звон которых раздражал мусульман в часы намаза. Стало быть, Мессер Марко оставался гостем Османов, не зная, что его ждет завтра. Будучи проницательным сановником, он чувствовал, но не признавался себе в этом, что военно-морская мощь Знаменитой Синьоры увядает, в то время как корабли строящегося флота турок проникали все дальше и дальше в морские просторы.

– Говорят, – утверждал Луиджи Гритти, – что мы, венецианцы, старомодны, но отличаемся богатством и неверностью.

В праздник Марка в золоченом зале Баильо этот самый Луиджи Гритти сидел как скелет среди роскошного пиршества, бросая едкие замечания с насмешливой миной на лице. Стол ломился от оленины, вымоченной в тосканском вине, нафаршированных фазанов, мяса редкой рыбы-меч из Белого моря, омаров из Босфора, изысканных трюфелей и других кушаний, которые ели под портвейн. Луиджи Гритти – незаконный сын уважаемого дожа Андреа Гритти и матери-гречанки с островов – считался наполовину ренегатом, поскольку тешил свой цинизм тем, что слишком тесно общался с турками, не видевшими разницы между незаконными и законными сыновьями. Луиджи говорил на их варварском языке. Мессер Марко пригласил

этого добровольного изгнанника из Венецианской республики к своему столу по той причине, что Гритти выведывал секреты у турок.

Когда Меммо, разгоряченный вином и успешной сделкой, признался, что заработал для Венеции на подписанном торговом договоре десятки тысяч золотых дукатов, незаконнорожденный Гритти осмелился спросить, что он потерял, если приобрел так много.

Ничего, ответил Меммо, почти ничего. Всего лишь мелочь. Согласно новому договору, венецианские суда будут ложиться в дрейф у Галлиполи, чтобы сообщить о себе туркам необходимые сведения и сделать формальный запрос на разрешение войти в турецкие порты.

Действительно, мелочь, согласился худой болтливый Гритти. Однако без этой мелкой формальности ни один корабль Синьоры не сможет разгрузиться. Не за это ли он, посол, согласился платить дань туркам?

Уязвленный, Меммо ответил, что он согласился заплатить небольшую сумму за важные концессии, а именно десять тысяч дукатов в год за остров Кипр и пятьсот дукатов за крохотный остров Занте.

– Мы никогда не платили дань туркам.

– До сих пор, – уточнил Гритти.

Не без раздражения Меммо был вынужден признать, что это так. Поскольку Кипр и Занте все еще принадлежали Венеции, деньги, выплачиваемые якобы за их аренду, выглядели фактически данью.

– Заметьте, – продолжил Гритти, – как тонко это сделано, с какой заботой о том, чтобы не задеть наше самолюбие. Полагаю, это почерк Сулеймана, отнюдь не Пири-паши?

И ни слова о дипломатическом искусстве Меммо! Теперь уже разозленный, посол перешел в наступление на ублюдка. Тот самый Сулейман, галантный монарх, сделал послу подарок после церемонии подписания договора. Вот уж поистине любезный подарок. Человеческая голова, завернутая в шелковый платок. Смердящая голова, отрезанная от тела одного мятежника... Как они выразились, Гази или что-то подобное...

– Голова Газали... Это Фархад-паша, третий визирь, привез ее из Сирии.

– И ваш прекрасно воспитанный Сулейман подарил ее мне. – Посол вытер руки о платье с гримасой отвращения. – Я был вынужден поблагодарить султана. Мне стоило большого труда отказаться от подарка и не, обидеть старого Пири-пашу. Но скажите, во имя трех архангелов, почему он подарил мне эту голову? Что вы об этом думаете, Луиджи?

Немного помолчав, Гритти вытянул четыре пальца:

– Я вижу четыре объяснения, ваше благородие. Первое: турки, обещая что-нибудь, говорят: «Клянусь головой». Второе: они говорят, что наша Синьора благоразумна и неверна. Третье: ваше благородие хороший человек, но как посол вы подписали клятву верности. Четвертое: голова другого неверного существа подарена вам в качестве неприемлемого подарка. Объедините все четыре объяснения, и к какому выводу вы придете?

Меммо уныло почесал свою массивную шею. Эти турки имеют варварскую привычку считать дипломатов лично ответственными за заключенный договор. Они никогда не считались и не будут считаться с дипломатическим иммунитетом.

– Этого можно было ожидать от Селима, – пробормотал он, – не от Сулеймана.

Гритти задумался. Он вспоминал плюмаж из оперения цапли и мягкую улыбку. Что, если эта мягкость прикрывала дьявольскую жестокость?

– Кажется, мы были слепы, когда характеризовали его в наших донесениях в Венецию как молодого, беззаботного и веселого монарха, непохожего на Селима. Селим внушал страх, но его сын, который так беспечно ездит на охоту, возможно, еще ужаснее.

Вскоре после этого Луиджи Гритти начал заводить дружеские связи в султанском дворце. Поскольку сейчас доступ к Сулейману был невозможен, он искал тех, кого султан отличал.

Среди них был Ибрагим. Луиджи и юзбаши внутренней службы дворца имели кое-что общее. У обоих матери были гречанками, оба хорошо понимали реальную обстановку.

Школа посвященных детей

Как почти все высокопоставленные деятели режима, Ибрагим окончил школу. Более того, как вскоре выяснил Гритти, грек, пользовавшийся милостью султана, окончил ее с отличными оценками.

Что касается самой школы, то мнения о ней зарубежных наблюдателей радикально расходились. Некоторые полагали, что там были установлены порядки гораздо более суровые, чем в европейских монастырях. По крайней мере, известно высказывание: «Если это монастырь, то боюсь, что он вобрал в себя всех чертей».

Нельзя сказать, что наличие школы скрывалось. Просто это было закрытое учебное заведение. Оно располагалось в третьем дворе дворцового комплекса и само было окружено мощной каменной стеной. Школа была действительно закрытой, и лишь немногие иностранцы могли ее видеть.

В короткие ночные часы Сулейман иногда посещал школьные помещения. Этого требовал от султана старый обычай, словно монарх был сторожем. Завернувшись в серую бархатную мантию, в сопровождении ночных сторожей, несших за султаном горящие свечи, Сулейман бесшумно проходил через спальные покои школы. В этих помещениях спали около шестисот подростков в возрасте от восьми до восемнадцати лет.

Когда бы Сулейман ни посещал школьные классы, он всегда ощущал следы влияния в них своего великого деда – Мехмета Завоевателя. По его требованию в столовой на стене висела огромная карта известного тогда мира. Своими собственными руками Мехмет начал разбивать сад за окном столовой. Он жадно искал произведения византийских ученых, чтобы перевести их труды по географии и другим наукам на турецкий язык. Иногда даже требовал в качестве дани от просвещенного города Дубровника рукописи ученых вместо денег.

Завоеватель был так увлечен мудростью византийцев, что школа, как утверждали, превратилась в подобие республики Платона и создавала блестящие умы в тренированных телах. (До Мехмета школа давала молодым людям, предназначенным для службы в корпусе янычар или других воинских частях, лишь физическую подготовку.) Теперь же, в представлении таких иностранцев, как Гритти, учеба в школе была ступенькой для поразительного восхождения во власть в падишахстве. Ее ученики не были турками по происхождению. Это были дети иноземцев: албанцев, сербов, славян с севера, грузин и черкесов с Восточных гор, греков с морского побережья и даже хорватов и немцев. Большинство из них, подобно Ибрагиму, происходили из христианских семей.

Школа при дворце Сулеймана набирала только детей, тщательно отобранных специальными уполномоченными по всей территории падишахства. Это были немногие избранные, кандидаты на высшие государственные должности, которые должны были править падишахством под присмотром султана.

Нередко родители сами желали, чтобы кто-то из их детей стал учеником либо помощником султана, потому что таким образом их чадо могло выделиться среди других и получить назначение региональным командующим сипахи, армейским судьей, казначеем и даже министром, как старый Пири-паша. С такой системой набора на службу детей, обученных владению оружием, крестьянство Османской империи оставалось привязанным к земле.

Подросток, зачисленный в школу, рвал все свои прежние связи. Его изолировали от семьи, ему давали новое имя. Пройдя в Большие ворота в качестве ученика, он уже не мог добровольно покинуть дворцовый комплекс, за исключением тех случаев, когда ездил вместе с

соучениками на полигоны стрельбы из лука на холмах близ кладбищенской зоны или изредка сопровождал султана по особые случаям.

Тридцать подростков благородной внешности, которые прошли экзамены на «отлично», отбирались для службы лично султану. Преданность ему этих подростков подразумевалась как сама собой разумеющаяся. Они обучались покорности много лет, стоя неподвижно со скрещенными руками и опущенными вниз глазами, если им случалось быть в присутствии султана. По окончании учебы их выпускали из Больших ворот дворца и отсылали на службу в отдаленные гарнизоны. Тем не менее они считали, что обучение самого султана было таким же суровым.

После ухода из школы выпускнику было запрещено появляться в ней снова, если только он не стал визирем или муфтием.

«Его министров, – писал Макиавелли, – происходивших из рабов и крепостных, трудно подкупить, да и это принесло бы мало пользы... Тот, кто атакует турок, должен помнить, что они очень дружны... но если когда-либо турки будут разгромлены на поле боя так, что не смогут восстановить свои силы, то им останется опасаться только одного – султанской семьи».

Подростки не были рабами. Сам Сулейман был сыном женщины, которая считалась рабыней, а сейчас стала матерью султана. Подростков учили быть одновременно воинами и деятелями, способными выполнять административные функции. Султана учили руководить ими. Его и подростков связывала взаимная лояльность.

Они поднимались после ночного сна, когда сторож проходил по спальным помещениям, зажигая свечи. Полчаса отводилось на то, чтобы помыться под медными кранами над мраморными мойками – закрытая школа была оснащена теми же удобствами, что и дворец, надеть легкие туники, шаровары, мягкие комнатные туфли и тюрбаны. Их личные принадлежности содержались в больших деревянных сундуках, которые одновременно служили и партами. На крышке каждого сундука лежали тетради и книги между двумя горящими свечами, а подросток устраивался перед ними на коленях.

По истечении получаса после первого проблеска зари начинала звучать музыка. Во втором дворике оркестр янычар играл утренний подъем для султана. Бодрящую мелодию создавали перезвон колокольчиков на шестах, пронзительные звуки флейт и пение басов.

В перерыве один из наиболее способных певчих громко читал отрывок из Корана: «Скажи: я укроюсь под защитой Господина людей, властителя людей, Аллаха от злого шепота тех, кто богохульствует...»

Как только меркли последние звезды, произносилась команда, и подростки, молча выстроившись в шеренгу, семенили с руками, скрещенными на груди, в мечеть школы для утреннего намаза.

Затем начинался рабочий день. Через два часа после восхода солнца в первый раз подавалась еда, состоящая из супа, жареной баранины и куска хлеба. Так происходило всегда, этой пищи было достаточно, чтобы поддерживать силы учащихся школы.

В классах они обменивались шутками. Спальное помещение, которое однажды занимали египтяне, получило название «стойло для блох». Когда учеников спрашивали, как прошел день, они мрачно отвечали:

– Мы отдыхали от учебы, изучая приемы борьбы и верховую езду, от тренировок – игрой на музыкальных инструментах. Во время еды нас развлекали проповедники, а во время сна будили ночные сторожа.

Когда наступала темнота, начинались вечерние занятия в спальнях покоях. Подросток мог выбрать себе занятие по вкусу при условии, что он успевает в изучении религии, философии, математики, физкультуре и военном деле. Но и в это время преподаватель, живший в комнате с вывеской: «Тот, кто учит», зачитывал список поощрений и наказаний для учащихся за прошедший день. Наказания назначались разные – от публичного распекания до порки деревянными прутами. Однако к нему относились с величайшей осторожностью. Если препода-

ватель проявлял в отношении подростков чрезмерную жестокость, он сам мог подвергнуться публичной порке или отсечению правой руки.

Однажды Сулейман пожелал увидеть подростка, который отказался надеть «облачение чести», выдаваемое за хорошую учебу. Восемнадцатилетний Мехмет Соколли попросил вместо облачения разрешить ему навестить родителей. Ему не позволили. Кроме того, в прежние годы Соколли много раз заслуживал наказания.

Случай заинтересовал Сулеймана потому, что в свое время Ибрагиму разрешили выходить из школы на свидания с отцом.

На вопрос о причине необычного желания Соколий, досье на которого свидетельствовало, что одиннадцать лет назад подростка взяли из хорватской семьи, сам ученик сообщил султану – его семья приехала в город повидаться с ним, и он ждал такой встречи несколько лет.

– В твоём досье нет упоминания профессии, по которой ты специализируешься, – заметил Сулейман. – В чём дело? Говори.

– Дело в моих учителях, – ответил подросток спокойным тоном.

Вряд ли такой ответ был дан из дерзости, ведь юноша говорил с самим султаном. Стало быть, это была чистая правда.

– Почему? – спросил Сулейман с любопытством.

Серые глаза ученика беспокойно замигали.

– Потому что я их не понимаю.

За такой ответ он мог быть отчислен из школы и направлен служить садовником или гребцом на барку. Сулеймана удивило, что откровенный мальчишка с Северных гор считал необходимым выяснить намерения своих учителей, прежде чем выполнять их указания. Он отпустил Соколли и велел Пири-паше не награждать учащихся школы ничем, кроме разрешения проводить свободное время по собственному усмотрению, включая посещение семьи.

Позже, когда Соколли окончил школу, он был назначен помощником судьи Европейской армии. Это была довольно высокая должность с хорошим жалованьем.

Несколько лет спустя, когда режим заметно изменился под личным влиянием Сулеймана, проницательный наблюдатель из Европы Огир Бусбек писал: «Турки очень радуются каждому человеку исключительных способностей. Относятся к нему как к найденной драгоценности. Не жалеют сил для того, чтобы выпестовать его, особенно если он проявляет способности в военной сфере. Мы в таких случаях поступаем иначе. Когда находим хорошего пса, ястреба или коня, то не жалеем средств, чтобы довести их способности до совершенства. Но если попадаетесь способный человек – не обращаем на него внимания, не считаем необходимым дать ему образование. Мы получаем удовольствие от использования хорошо обученных лошадей, собак и соколов, турки же – от хорошо обученных людей».

Естественно, жители Магника Комунита – европейского дипломатического квартала – недоумевали по поводу такой аномалии школы. Они никак не могли понять, почему могущественные турки потакали капризам иноземных подростков. Когда подобный вопрос задавался знакомым туркам, те отвечали:

– Потому что слуги султана лучше справляются со своими обязанностями, чем мы.

Когда же этих турок спрашивали, можно ли доверять таким подросткам, если они большей частью пленные и христиане, то те задавали встречный вопрос:

– А вы слышали когда-нибудь, чтобы кто-либо из них нас предал?

Лишь очень немногие из иностранцев, живших по другую сторону бухты Золотой Рог, которые приходили поторговаться на богатом восточном базаре, понимали суть дела. Выпускники школы составляли образованную элиту Османской империи. В то время они получали более совершенное образование, чем студенты университетов Парижа и Болоньи на Западе. А Сулейман был там руководителем, который смог воспользоваться их способностями с большим эффектом, чем Арсеналу удавалась закалка мечей из стали.

В 1522 году, когда растаял снег и сады зацвели белым цветом жасмина, Луиджи Гритти обратил внимание Марко Меммо на молодых людей, выезжавших за гладью залива из Больших ворот дворца на спортивные площадки.

– Вон там, – сказал он, – возвращается величайшая угроза христианскому сообществу. Эти юноши проворны и веселы, однако не забывают помолиться. Они поглощены молитвами, но изучают также книги, в которых содержатся новейшие научные знания. Каким оружием вы сможете помешать карьере таких молодцов?

Мессер Марко все более убеждался в том, что незаконнорожденный – перебежчик. Его недоверие к насмешливому Гритти усиливалось от осознания того, что он сам жил в Галате почти как шпион, между тем Гритти располагал доказательствами, способными подкрепить прогнозы посла относительно нечестивых турок.

– Клянусь львом Святого Марка, – ответил посол он незаконнорожденному, – я не вижу ничего опасного в этих шутах и их маскарадах! Я не испытываю, кроме того, никакого уважения к искусству врачей а-ля Парацельс! Если бы у вас были глаза истинного венецианца, вы бы заметили то, что происходит на поверхности моря под нами. Именно там находится опасность, с которой мы должны считаться.

К докам Арсенала наряду с транспортными судами были пришвартованы новые галеры. В Золотом Роге теснились самые разнообразные корабли. Опытный в морском деле Меммо указал на барки с мощным деревянным настилом, способным выдержать вес пушек, стреляющих огромными ядрами. Куда готовится отправиться эта армада?

В депешах из Венеции и Вены утверждалось, что турецкая армия вторжения вновь движется на север через Дунайские ворота, открытые годом раньше. Однако Меммо не верил, что галионы с такой глубокой осадкой, как эти, смогут пройти вверх по Дунаю. Нет, они предназначались для выхода в открытое море. Хотя вот уже сорок лет турки не осмеливались пускаться в такое плавание...

Его терзали мрачные предчувствия. Венеция находилась не так далеко, всего лишь нужно было пересечь наискось Адриатическое море, пока еще остававшееся венецианским озером.

– Ваше превосходительство не забыли, – напомнил Гритти с провокационными нотками в голосе, – Договор о дружбе и согласии, который Сулейман подписал с вами прошлой осенью? – Его забавляло, что Меммо более обеспокоен вооружением турецкой флотилии, чем целями, для которых Сулейман намерен ее использовать.

Меммо с досады сплюнул и сказал, что подобные договоры всегда служили щитом от экспансии.

– Но не в случае с турками. И с Сулейманом, полагаю. – Гритти вкрадчиво объяснил:

– Кое-что мне известно. Один секретарь правительственного Дивана должен деньги армянскому ювелиру, который знаком с женщиной, торговкой пряностями на крытом рынке. Эта женщина шепнула мне, что между султаном и визирем, а также командующими армиями имеются разногласия относительно плана дальнейших действий.

– Базарные сплетни! Хотят нас одурачить! Султан и Диван действуют в полном согласии. – В свою очередь Меммо дал собственные разъяснения. – Мои глаза меня не обманывают. Турки готовятся к военной экспедиции морем. Момент благоприятный. Император Священной Римской империи и его испанское войско вовлечены в конфликт с наиболее христианнейшим королем Франции, – сказал посол с горечью в голосе. – Только флот нашей республики стоит на пути турок.

– Разве? – неожиданно рассмеялся Гритти. – Так ли это? Чтобы торговать с турками, вы должны добиваться сохранения мира. Ваше превосходительство собственной рукой подписали новый договор. Вы намерены соблюдать его?

Меммо кивнул с задумчивым видом:

- Клянусь всеми архангелами!
- Отлично, – отозвался Гритти, – путь туркам на Родос открыт.

Остров Родос

Все, что касалось острова Родос, было необычным. Например, то, что он находился в пределах видимости с континента. Немного к югу от того места на побережье, где Сулейман жил два года назад, этот большой остров вырастал из гладкой поверхности моря как цитадель в окружении небольших холмистых островов. У Родоса был необычный вид мощной серой, северной цитадели, возвышавшейся в субтропическом море.

Родосом владели рыцари, представляя собой примечательный анахронизм. Это были воинствующие призраки чего угодно, только не забытых уже крестоносцев. Как члены ордена братства Госпиталя святого Иоанна Баптиста в Иерусалиме они сыграли свою роль в крестовых походах на Святую землю, которая теперь находилась под властью Сулеймана. Отступив тогда на ближайший остров Кипр, они снова отступили затем к северу, на остров Родос. В их сильно укрепленном городище на острове имелся госпиталь, но их больше не называли госпитальерами. Турки, уважающие членов рыцарского ордена за храбрость, называли их цитадель оплотом демонов.

Обосновавшись в отдалении от Европы, рыцари волей-неволей совершали набег и торговали с соседней Малой Азией. Их быстрые галеры нападали на груженные зерном корабли, шедшие из Египта. Кроме того, существуя как политическая общность – со своими представительствами, разбросанными по всей Европе, – рыцари либо воевали, либо заключали договоры о сотрудничестве со своими недавними соперниками – рыцарями ордена тамплиеров и Генуей. Впрочем, пережитки крестоносцев больше демонстрировали в отношениях друг с другом вражду, чем добрую волю.

На самом Родосе господствовал особый уклад жизни. На широкой улице размещались отдельные здания рыцарских собраний с различными гербами над внушительными входными дверями. Здесь были гербы уже исчезнувших рыцарских братств Арагона и Прованса, а также рыцарей Франции и Англии. В этих уютных помещениях рыцари – товарищи по оружию говорили на «языках божественного озарения» минувшего времени. Португальцы, как новички, были помещены в дом самого старого «языка».

Руководитель ордена отставал от своего времени на два столетия. Это был седобородый француз, который на портретах выглядит закованным в рыцарские доспехи, держащим в латной рукавице стяг. Это – Великий магистр ордена, Филипп Валье дель Исл Адам. Старого дель Исла Адама и молодого Сулеймана разделяли пропасть времени и религия. Каждый был убежден в своей идейной правоте и своем образе жизни. Но закоснелый француз был между тем опытным солдатом, Сулейману же было еще далеко до этого.

В своих посланиях магистру рыцарского ордена Сулейман предлагал не только условия капитуляции. Если бы Великий магистр добровольно уступил власть на острове Сулейману, рыцари могли бы остаться на своих местах, свободно отправлять свои религиозные обряды либо эвакуироваться с острова со всем своим оружием и имуществом, используя для переезда в избранное место турецкие корабли. Ответ дель Исла Адама был до предела банальным. Он не собирался сдаваться.

Необычным было и то, что молодой султан османов обратил свои помыслы на этот остров, сколь бы он ни был беспокойным. Господство турок распространялось на континент. Однако Сулейман провел большую часть своей жизни на побережье, будь то Крым или провинция Магнесья. Сам Константинополь находился на морском пути между двумя континентами. Думал ли султан о стратегическом значении моря или нет, но он любил его. Более того,

с рыцарями имелись старые счеты – в последние годы жизни прадед Сулеймана Мехмет Завоеватель пытался отвоевать у них остров, но потерпел неудачу.

Визирь Сулеймана Пири-паша возражал против экспедиции. По его мнению, высадка полевой армии и самого султана на остров была опасна. Войско может оказаться отрезанным от континента. Кроме того, сила турецкой армии в кавалерии, которая растеряет свои преимущества, оказавшись у крепостных стен на острове. Между тем турки с меньшим риском могут наступать через Дунайские ворота и, если будет необходимо, без потерь оттуда отступить. Более того, Пири-паша не доверял (и, как показали события, справедливо) информации еврейского лекаря, прибывшего с Родоса, что цитадель рыцарей плохо снабжается и что командует рыцарями старик, недавно прибывший из Франции. Пири-паша не упомянул того, чего боялся больше всего, – отсутствия опыта у Сулеймана.

Но молодой султан взял на себя командование вооруженными силами, подчинив себе Пири-пашу, приказав осуществлять боевые операции на земле и на море. Он пошел вместе с армией вдоль побережья к бухте, расположенной напротив Родоса, где ждали транспортные суда. Кое-где на их маршруте возникали задержки, однако Сулейман в таких случаях демонстрировал выдержку. В своем дневнике он написал, что армия сделала за два дня четыре перехода. Через день после того, как передовые отряды достигли берега острова, началась высадка основных сил, что само по себе является достижением. Однако часть армии, находившаяся под непосредственным командованием Сулеймана, не высаживалась на остров до 28 июля. Другие командующие высадили свои войска под прикрытием орудий с галер еще месяц назад. На остров были доставлены запасы продовольствия, тяжелая артиллерия и десять тысяч солдат.

Когда 28 июля Сулейман прибыл в приготовленную ему резиденцию на холме, расположенном напротив стен крепости, загрохотали пушки. Очевидно, он взял на себя руководство боем.

И сразу же проявились обескураживающие результаты его командования. Из лаконичного дневника султана известно, что ответный артиллерийский огонь с крепостных стен накрыл передовые траншеи его войск. Контратаки рыцарей вывели из строя батареи Пири-паши на несколько недель. Дневник свидетельствует:

«Султан меняет дислокацию своего лагеря, чтобы быть ближе к полю боя. Мощные бомбардировки крепости заставляют умолкнуть пушки противника.

(Защитники города попрятались в убежищах).

Для султана сооружено укрытие из веток деревьев, чтобы он мог лучше командовать своими войсками.

(Происходит что-то неожиданное. Дневник фиксирует слишком большие потери офицеров высокого ранга).

Командир орудия убит... командиры команд стрелков из кремневых ружей и начальники орудийных расчетов ранены».

Проходят недели, а стены цитадели Родоса стоят, как прежде, несокрушимо. Заклинания европейских рыцарей действуют безупречно.

Крепостные укрепления Родоса сооружались по новейшим проектам и были, видимо, наиболее мощными в Европе для того времени. Вместо прямых отвесных стен с угловыми башнями времен изобретения пороха рыцари построили невысокие укрепления из бетона на большую глубину. Над ними выступали бастионы, сторожившие степную равнину. Орудийный огонь с бастионов сметал все живое перед крепостным валом. Обширная сеть переходов и укрытий позволяла защитникам крепости безопасно перемещаться с места на место. Половина цитадели демонов прикрывалась морем. Примыкающие с этой стороны два мола с кре-

постными башнями на концах служили волнорезами и образовывали небольшую бухту. Осада цитадели со стороны моря была невозможна. Благодаря хорошо защищенной бухте крепость могла снабжаться морским путем. Проход в бухту был настолько узок, что мог перекрываться цепью.

За стенами Родоса рыцари построили настоящую цитадель из массивных бетонных сооружений, таких, как дом-резиденция Великого магистра, собор Святого Иоанна и госпиталь. Там не было ветхих деревянных хижин, которые могли стать легкой добычей огня, или тонких, непрочных крыш, легко пробиваемых ядрами. В траншеях осаждавших турок, вырытых ценой больших жертв в непосредственной близости от цитадели, были установлены мощные орудия. Они располагали мощными длинноствольными пушками, способными снести стены, опоясывавшие крепости старого типа. В земле грузно сидели латунные осадные мортиры, стреляющие огромными ядрами и разрывными снарядами новой конструкции. Из них велся навесной огонь под большим углом так, чтобы снаряды разрывались внутри города. У турок были также фальконеты – легкие переносные пушки, которые можно было использовать во время штурма крепости и размещать на временных позициях.

Однако осаждавшие не могли преодолеть оборону рыцарей даже с таким мощным вооружением. В продолжительном соперничестве между огневой мощью турок и фортификационными сооружениями рыцарей последние имели в начале Явное преимущество. Доказательством является то, что их укрепления стоят до сих пор. Да, они подвергались ремонту, но остались неизменными, такими, какими их задумали рыцари, чтобы обеспечить неуязвимость острова.

Кроме того, среди приверженцев старых заветов находился итальянец Габриэль Мартиненго, который руководил крепостной артиллерией с большим искусством. Мартиненго доставал огнем своих пушек любую цель за стенами крепости.

Потерпев неудачу в наземном штурме крепости, турки начали рыть подземные шурфы, по которым надеялись доставить под стены крепости мины. Но Мартиненго изобрел «миноискатели» из врытых в землю верхних половинок барабанов. Как только где-то начинали делать подкоп, их поверхность вибрировала. Ждали атакующих и другие сюрпризы как в шурфах, так и на поверхности земли.

Дневник Сулеймана повествует:

«Подрывники приходят в соприкосновение с противником, который использует большое количество горящего гарного масла, без успеха...

Войска проникают в крепость, но вытесняются оттуда с большими потерями из-за того, что гяуры применяют новый тип катапульты...

В крепость прорывается несколько черкесов, сорвав четыре-пять флагов и большую доску, на которую противник насадил металлические шипы, чтобы ранить ноги штурмующих...»

Никаких брешей в обороне фактически не существовало. Волны штурмовавших войск, накатывающиеся на проломы в стенах, отбрасывались и уничтожались. Все турецкие артиллерийские батареи одновременно вели огонь по позициям приверженцев заветов Ольхи из Испании, Англии, Прованса, воротам Святой Марии и Святого Иоанна. Пушки не могли одолеть отвагу защитников крепости, упорство старого дель Исла Адама и гения Мартиненго.

Миновал август, подходил к концу сентябрь. Сулейман отважился на отчаянный шаг – всеобщий штурм. Вечером перед ним к защитникам крепости вышли глашатаи со словами:

– Земля и каменные сооружения на ней будут принадлежать султану, вам же достанутся только кровь и разграбление.

Всеобщий штурм захлебнулся.

В голове Сулеймана никак не укладывалась мысль о неспособности его войск преодолеть каменные укрепления, защищавшиеся силой, которая была в десять раз меньше, чем у него. Султан дал волю своему гневу на военных советах.

«26 сентября. Совет. Разгневанный султан сажает под арест Аяс-пашу.

(Аяс-паша, прямолинейный албанец, весь день атаковал позиции рыцарей Ольхи и немцев, понеся наибольшие потери).

27 сентября. Совет, Аяс-паша восстановлен в своей должности».

(Упрямый албанский воин получил подкрепления из войск, которыми командовал Пири-паша. Сам Пири-паша, больной подагрой и усталый, был неспособен продолжать сражение).

Несомненно, Сулейман испытывал угрызения совести. Ведь он отдавал приказы, которые невозможно было выполнить. Где бы он теперь ни ездил верхом в расположении войск, на него обращались взоры солдат, ожидавших приказа покинуть Родос и вернуться на континент.

Больше всех пострадали невооруженные крестьяне, которые во время осады производили земляные работы под дьявольскими залпами орудий над их головами. Они страдали от недоедания, болели и дрожали от холода под проливными осенними дождями. На одного погибшего в траншеях приходился один умерший от болезни. А ведь наступило время, когда эти крестьяне стремились домой с особым рвением, чтобы принять участие в уборке урожая... Армейские лошади дохли от голода из-за недостатка подножного корма.

Между тем с разведывательных судов сообщалось о концентрации венецианского флота на Крите. В любой день к осажденным могла подойти помощь. Сулейман мог быть изолирован на острове вместе с армией, которую он был не в состоянии кормить.

Правда, командующие типа Аяс-паши и славянина Фархад-паши думали только о новых атаках, о скрытых бросках войск через проломы стен и бомбардировках. Но Сулейман прекрасно осознавал свои ошибки. Султан Селим Угрюмый никогда не допустил бы такой ситуации – сидеть на острове в беспомощном состоянии в шатре под ветвями деревьев, поливаемых дождем. Селиму было знакомо чувство упоения войной. Он знал, как упредить противника скоростным маршем, напугать его внезапной атакой или иным неожиданным маневром. Важно было никогда не стоять на месте, не оказаться жертвой планов неприятеля и его беспощадного удара...

Из дневника известно, что в периоды затишья Сулейман ездил в места, где росли сады, посещал развалины древних крепостей Родоса, в которых в глубокой древности проживали викинги. Султан приказал восстановить крепости из развалин, чтобы армия могла разместиться в них на зимний период. Наблюдая за восстановлением садов и древних замков, он мог хотя бы ненадолго отвлечься от грохота орудий и зрелища измученных лиц своих людей.

Султан приказал, чтобы из Египта на остров доставили новые припасы, а из Анатолии – новые контингента янычар. Чтобы продемонстрировать армии свое намерение остаться на Родосе, сам переехал из шатра в каменное строение. Среди солдат распространилась весть, что султан не собирается снимать осаду.

Действительно, из всех альтернатив снятие осады было наихудшей. Это означало бы, что гибель тысяч его людей была напрасной – следствие нелепой ошибки Сулеймана, который не знал, как вести войну.

Миновал октябрь. Сулейман больше не предпринимал всеобщего штурма. Когда же даже янычары стали сбиваться в группы и жаловаться, приказал кораблям поддержки сняться с якорей и укрыться в бухтах континентального побережья. Таким образом, все увидели, что возможность отступления исключена.

Капитуляция

Остался позади ноябрь. Сулейман решил взять противника измором, рассчитывая, что со временем у него кончатся запасы продовольствия. При этом стремился, насколько возможно, беречь свои силы, в основном полагаясь на беспокоящий огонь артиллерии и минные подкопы. И только в ночные часы он предпринимал попытки отвоевать хотя бы ярды в лабиринте каменных строений крепости.

1 декабря он применил новое оружие. Невооруженный гонец, пробившийся в крепость, сообщил христианам, что султан готов снять осаду на прежних условиях: рыцари и население могут остаться или выехать, сохранив свободу вероисповедания, оружие и имущество. Это не было официальное предложение, а всего лишь уведомление. Весть о нем распространилась по всем уголкам Родоса. И неожиданно оказало психологическое воздействие на измученных защитников крепости.

«Этот прием оказал противнику гораздо большую услугу, чем что-либо еще, – писал Ричард Ноллес, хроникер последнего периода Елизаветинской эпохи. – Противник малопомалу добивается успехов, ставит защитников в такие экстремальные условия, что они рады снести свои дома, чтобы на их месте можно было построить новые укрепления и уменьшить площадь города, окружив себя новой линией траншей. Так что через небольшой промежуток времени они уже не могут сказать определенно, где именно строить укрепления. Противник проник за стены города. Он занял участок почти в двести шагов в ширину и сто пятьдесят шагов в глубину.

Сулейман, которого убедили, что нет ничего лучшего, чем милосердие, откомандировал Пири-пашу убедить жителей Родоса начать переговоры с целью сдачи их города на разумных условиях... У многих из тех, кто во время штурма не испытал страха за свою жизнь, после того как противник предложил переговоры, появилась надежда на сохранение жизни. Они стали обращаться к Великому магистру с просьбами позаботиться о безопасности людей. Силы защитников были ослаблены, а их моральный дух подорван.

И не только это: длительные испытания и рукопашные бои за каждую улицу и дом измучили людей, теперь страдающих от зимних морозов. Дель Исл Адам и его выжившие офицеры – сто восемьдесят рыцарей, которые должны были командовать полутора тысячами вооруженных людей и греческими жителями города, не ждали ничего другого, кроме безжалостной расправы, когда турецкие войска ворвутся в город. Они ждали помощи от Европы. В первые дни осады послали в европейские столицы гонцов, задачей которых было убедить европейских правителей, что стены Родоса выстоят, если рыцари получают свежее подкрепление и порох.

Великий магистр, – свидетельствует далее Ричард Ноллес, – послал одного из рыцарей в Испанию к императору Карлу, другого – в Рим, к итальянским кардиналам и рыцарям. Оттуда гонцы были посланы во Францию с письмами к французскому королю, в которых у христианского правителя вымаливалась помощь для города, осажденного с суши и моря. Но все было напрасно. Потому что эти правители, занятые бесконечными взаимными дразгмами и заикланные на мелочных интересах, лишь хвалили послов с Родоса за их мужество, но оставляли их без всякой надежды на помощь».

Дель Ислу Адаму пришлось сделать горький выбор. Согласно его собственному кодексу чести, это была не капитуляция. Никто из его сподвижников не был уверен в том, что султан сдержит свои обещания. С другой стороны, дальнейшее сопротивление стоило бы жизни тысячам горожан, греческих христиан, которых уже сломил испытание войной.

Магистр запросил три дня перемирия и получил их. Однако случилось одно из злоключений, которое в напряженной ситуации действует как зажженная спичка, поднесенная к пороху. Ночью при потушенных огнях к рыцарям прибыл корабль с Крита, предназначенный

для перевозок бочек с вином, но доставивший сотню добровольцев, которые отправились на Родос вопреки возражениям Синьоры Венеции. Турки, естественно, придали прибытию этого корабля гораздо большее значение и сочли его за нарушение перемирия.

Затем один упрямый француз послал в группу янычар, которые, пользуясь перемирием, пришли поглазеть на стены цитадели, два ядра. В результате турки предприняли яростный штурм этого сектора стены.

Цитадель выдержала и этот штурм. Великий магистр заслушал отчет Габриеля Мартиненго, руководившего обороной. Тот подытожил положение следующим образом: защитники нуждаются в порохе двенадцать часов в сутки, но пороховой завод у бухты больше не может это обеспечить. Живой силы осталось только для защиты нескольких секторов стены. Оборона не сможет выдержать всеобщего штурма, если он продлится более двенадцати часов.

Дель Исл Адам выслушал отчет инженера, мнения офицеров и горожан. Все высказались за капитуляцию, и магистр согласился с ними. Направил в лагерь турок гонца с известием о капитуляции, осада прекратилась.

Затем случилось невероятное. Сулейман подтвердил свои прежние условия сдачи города, настойчиво разъясняя, что церкви не будут превращать в мечети, а горожан обращать в магометанство, у них не станут отбирать детей. Те, кто захочет оставить остров, могут сохранить свое оружие и имущество. Турецкие корабли доставят их на Крит.

Рыцарям было трудно в это поверить. Когда невооруженные янычары устроили у ворот беспорядки – их участники входили в подкрепления, прибывшие с континента, и были обременены запретом на грабежи, – дель Исл Адам пошел под дождем в сопровождении одного спутника прямо в резиденцию султана. Состоялась встреча двух руководителей – солдата Запада и нового повелителя Востока. Сулейман передал Великому магистру «облачение чести» и сказал Ибрагиму:

– Жаль, что такой прекрасный старик должен покинуть свой дом.

Султан послал янычар из своей гвардии прекратить беспорядки. Более того, предпринял меры для восстановления некоторых разрушений, происшедших за последние пять месяцев. Затем нанес ответный визит противнику, словно это был его лучший друг.

До этого момента не было прецедента, чтобы правящий монарх Востока отважился без охраны проходить через боевые порядки христиан. Совершая такой визит, Сулейман полагался лишь на слово Великого магистра, гарантировавшего безопасность султана. Когда Сулейман въехал в город через взорванные ворота почти без сопровождения за исключением одного паши и Ибрагима в качестве переводчика, он сделал важный шаг к лучшему взаимопониманию с традиционным врагом.

Спешившись во дворе дома дель Исла Адама, султан приблизился к изумленным рыцарям и объяснил им, что приехал справиться о здоровье их почтенного господина. На фоне внушительного входа в замок, выложенного из серого гранита, стройный молодой человек в облачении белого и золотистого цветов выглядел дружелюбным и веселым. Впервые встревоженные христиане поверили, что султан сдержит данное им слово относительно условий капитуляции.

Позже, когда в замок прибыла охрана из янычар, рыцари удивились еще раз.

– Турки вошли, печатая шаг, без единого слова, – высказался один из рыцарей.

Немного расслабился даже суровый воин дель Исл Адам, который, по преданию, якобы сказал:

– Вы заслуживаете всех похвал, потому что покорили Родос и проявили милосердие.

Эвакуация рыцарей с острова происходила согласно договоренности. Когда рыцари благополучно добрались до Крита, они обнаружили там венецианский флот в полном отсутствии боевой готовности. Командование флотом получило приказ не предпринимать никаких операций против турок, если с их стороны не возникнет угрозы Кипру. В Риме собралось две тысячи добровольцев, готовых идти на помощь Родосу, но им не было предоставлено ни одного судна.

Император Карл V отреагировал на потерю острова с присущей ему иронией.

– Ничто в мире, – сказал он, – не было утрачено столь безболезненно, как Родос.

Он был не прав. До утраты Родоса существовала по крайней мере иллюзия, что европейцы в случае необходимости могут объединиться в крестовом походе. Было ощущение, что, несмотря на внутренние распри, христианская Европа представляет собой нечто целое. Но после сдачи острова и эвакуации с него рыцарей при милостивом покровительстве турецкого султана иллюзия единства развеялась, остались лишь воспоминания о славных временах римских цезарей и Карле Великом.

Еще несколько лет оставшиеся в живых рыцари Родоса в тревоге бродили по средиземноморским странам, посещали европейские дворы, где безучастно выслушивали их просьбы о предоставлении новой цитадели. В этих ветеранах было действительно нечто курьезное. Монархи, принимавшие их из вежливости, преодолевая зевоту, выслушивали рассказы рыцарей о том, как они выдержали в течение пяти месяцев четырнадцать штурмов крепости. Эти израненные бойцы носили повсюду в своих сердцах память о последнем павшем бастионе Святого Георгия.

Только спустя семь лет император Карл предоставил рыцарям неудобный скалистый остров Мальта, расположенный далеко на запад от Родоса в узкой горловине моря между Сицилией и побережьем Африки.

Между тем, отвоевав Родос, турки приобрели свой первый оплот на море.

Уроки Родоса

После того как рыцари покинули Родос и были отданы необходимые распоряжения, султан покинул остров. Он не стал допрашивать Мартиненго, под руководством которого велись фортификационные работы, самостоятельно изучать столь эффективные оборонительные сооружения. Сулейман стремился лишь к одному – поскорее покинуть остров и никогда сюда не возвращаться. Тем не менее он нашел время, чтобы вознаградить несколько гречанок, опытных пловчих, за оказание помощи туркам в передаче во время осады посланий в город и из него.

По европейским меркам довольно странно выглядит то, что большинство горожан-греков предпочло остаться в своих домах под турецким владычеством. Но феодальное правление рыцарей им отнюдь не казалось благом. Турки же на пять лет освободили греков от налогов, и только после этого они обязаны были платить годовой налог за владение домом в размере десяти серебряных монет. От них не требовали никаких выплат за содержание скота или виноградников, а дочери греков не подвергались домогательствам со стороны турок.

В Константинополе султана ждал с поздравлениями Меммо. Сулейман не верил в искренность расточаемых им похвал в адрес победителей. Венецианский посол лгал очень льстиво и складно. Султан забавлялся, слушая искусно построенные лживые фразы. Ибрагим бесстрастно переводил их. Конечно, султану льстило, что посланник некогда могущественной европейской державы признавал его достижения, однако в целом он питал к Меммо, не знавшему меры в потреблении мяса и вина, неприязнь.

В то же время Сулейман относился с сочувствием и невольным уважением к своему противнику Великому магистру. Белобородый воин был предан своей религии и кодексу чести. Разумеется, его религиозные убеждения опирались на Евангелие, не на Коран, но важным было то, что у старика была вера.

Много лет назад Касим учил Сулеймана, что на свете существуют только три типа истинно верующих людей, владеющих Книгой – преданием. Самые древние из них евреи, хранящие Тору. За ними следуют христиане, владеющие Евангелием, и, наконец, мусульмане, имеющие Коран. Приверженцы каждой из этих религий имеют своих пророков, будь то Моисей

или Авраам, Иисус или Мухаммед. Сулеймана необычайно волновали вопросы религиозной жизни. Несмотря на толкования имамов, он не был уверен в том, что мусульманин, относящийся к религии небрежно, может быть равен с точки зрения Откровения христианину, следующему слову и духу своей религиозной веры.

Итак, в звездный час триумфа султана мы обнаруживаем, что Сулейман был верен своему слову, весьма осторожен в суждениях, податлив лишь к той лести, которая тешила его гордость, и еще он вынашивал путаную идею братства людей.

Эта идея не была его собственным изобретением. Как сын Селима, Сулейман вырос в уединении, соприкасаясь, однако, с двумя весьма деятельными братствами. Вокруг него бродили дервиши орденов Мавлави и Бекташи. Одни из них были жизнерадостными с символическими кружками для милостыни, другие – отрешенными от жизни отшельниками гор. Это были весьма чувствительные люди. Дервиши смеялись, скоморошествовали, горевали по поводу несчастий, с которыми приходилось сталкиваться.

– Нас нельзя сосчитать, – говорили они, – нас нельзя уничтожить.

Даже янычары в казармах образовывали своеобразные братства. Невозможно было обидеть янычара без того, чтобы за него не заступились его товарищи – «йолдаши». Помощь одному из этих молодых воинов влекла за собой благодарность всех его друзей. В этом смысле Сулейман и воспринимал Великого магистра как главу братства.

Он часто думал и о роли папы римского. Считал его главой христианского братства, таким, каким был шейх-оль-ислам (муфтий) для мусульман. Религиозный авторитет внушал туркам благоговейное уважение. Однако политическая роль папы, уединившегося в своей резиденции в Риме, была туркам не совсем понятна.

Сулейман высоко ценил преданность, доверие, хорошо понимал нужды простого народа, его неустанное стремление к лучшей жизни. Национализм европейских монархий был ему неведом. Не был он знаком и с европейской знатью, если не считать венецианских дипломатов.

В то время султан стремился выработать собственное понимание отношений между правителями государств. Если бы правители служили своим народам и поддерживали между собой дружеские отношения, то ведь и простым людям жилось бы в этом случае лучше, чем под властью такого, например, правителя, как султан Селим.

Если бы правителей связывали узы дружбы...

Сулейман осторожно поделился своими размышлениями с Ибрагимом. Но ему не хватало слов, чтобы облечь мысли в яркую, выразительную форму, он был неважным оратором. Отчасти из-за этого, отчасти из-за желания, продиктованного восточным образом мышления, подвергнуть самоуверенного грека испытанию Сулейман начал разговор в форме вопроса:

– Может ли между правителями существовать такая же дружба, как между простыми людьми?

Ответ был получен незамедлительно. В голосе Ибрагима прозвучала ирония.

– Господин двух миров, разумеется, может удостоить своей дружбой ищущего ее. Во время пира все гости становятся близкими друзьями хозяина. Другое дело, если пришел нищий.

Сулейман обдумал ответ, не обращая внимания на иронию визиря и отметив в ней некоторый вызов. Талантливый Ибрагим никогда не забывал о том, что прожил свою жизнь на службе у менее способного турка. Правда, тщательно скрывал эту инстинктивную обиду.

– Но пожалуй, – добавил грек после короткой паузы, – ты можешь добиться этим гораздо большего, чем даже достиг Мехмет Завоеватель. Этим можно разоружить врагов, одновременно увеличив доверие тех, кто думает так же, как ты. Миротворение в качестве оружия было бы чем-то новым и необычным в наше время. Такое может себе позволить только очень сильный правитель. Ну, представь себе; как ты смутишь Меммо, если протянешь ему руку дружбы? – Грек улыбнулся своему предположению. – Хотелось бы мне взглянуть на его лицо в подобной

ситуации. Почему бы дипломатам не ходить с кружками для милостыни, а дервишам не заседать в руководящем совете!

Сулейман попытался представить то, о чем сказал грек, и улыбнулся:

– Хотелось бы и мне увидеть такое наяву.

Ибрагим мгновенно оценил блага, которые сулила идея его господина. Венецианцы получают привилегию быть первыми друзьями турок, а венецианский флот стоит того, чтобы им пользоваться. Греческое меньшинство получит больше прав, а Ибрагим был греком. Кроме того, в Юго-Восточной Европе вокруг Дома Османов сплотится группа людей, добивающихся мира. Ибрагим будет весьма рад действовать в составе такой лиги воинов мира против главы Дома Габсбургов, руководившего воинственной империей.

И еще. Проницательный ум грека стремился учесть самые отдаленные возможности. Новая идея Сулеймана могла воодушевить угнетенных европейских крепостных рабов, простой народ, крестьянство. Но если будет возможно убедить одно-два поколения турок не прибегать к оружию, они значительно ослабнут. Ведь не зря среди турок ходит изречение: «Отними у людей оружие, и они утратят силу».

Воодушевление вновь сменила горечь. Только Сулейман с непобедимой армией наготове мог разыгрывать роль гуманиста в эпоху войн.

Тем не менее он был серьезен в своих намерениях. Осада Родоса произвела на молодого султана неизгладимое впечатление.

По возвращении в Константинополь его поразила восторженный прием горожан. Когда Сулейман выехал из Больших ворот, чтобы отправиться в мечеть на пятничный намаз, по обеим сторонам дороги, подметенной и посыпанной песком, стояли толпы людей. Впереди него скакали верхом паши в кафтанах, отороченных по краям мехом. Позади султана ехали Ибрагим и оруженосцы в белых сатиновых накидках, вышитых золотом. По бокам находились лучники его личной гвардии, настороженные, как цепные псы.

Зрители вытягивали шеи, чтобы хорошо рассмотреть проезжавшего султана. Бросали перед ним роскошные цветы, становились на колени, чтобы подобрать песчинки, разлетавшиеся из-под копыт его скакуна. Люди бормотали его имя в сочетании со словом «счастливый».

Удача сопровождала Сулеймана как невидимый благожелательный ангел. Падение Родоса. Рождение сына от Гульбехар. После Родоса подчинились многие другие острова и крепости в отдаленных землях. Посыпались послания с поздравлениями не только из Венеции, но также от наместника в Мекке, крымского хана. Против всяких ожиданий прислал поздравление злейший враг – шахиншах Персии. Пришло поздравительное послание из почти незнакомой Москвы.

И все же, когда Сулейман приехал и встал на колени в отведенном ему месте сумрачной мечети, он физически ощутил запах свежей выкопанной земли во время рытья траншей, смрад, исходивший от больных и раненых, которые лежали на влажной земле Родоса. На лбу султана выступил холодный пот, прошибавший его по ночам, когда он ворочался под шерстяным покрывалом в хижине, которую упрямо отказывался покинуть. Он мучился в ней один, слушая, как стекают на крышу с веток капли дождя, укоряя себя за опрометчивость и безвыходное положение.

Об этом он никому не рассказывал. Во-первых, потому, что султан османов не мог достаточно ясно и четко объяснить свои дурные предчувствия или надежды. А во-вторых, он не считал нужным вообще что-либо объяснять. В своем лаконичном дневнике Сулейман записал обычную фразу: «Аллах подарил победу падишаху». Однако после Родоса в его дневнике постоянно упоминаются дождь, буря, люди и животные, увязшие в грязи и страдающие от болезней, а также разливы рек и снова дождь, дождь, дождь. Такие записи стали его навязчивой идеей.

Отвращение к войне после Родоса обнаружилось и в поведении султана. На следующую весну уже не били в барабаны в честь очередной завоевательной кампании. Такие кампании вообще не проводились в течение трех лет. Это была первая передышка в войнах с тех пор, как четырнадцать лет назад Селим извлек из ножен меч Османов.

Но пользование мечом входило в обязанности турецких султанов. За умиротворенной территорией лежала «зона войны» – земли гяуров, которые мусульмане были обязаны покорять силой оружия. Со времен Эртогула эта священная обязанность исполнялась неукоснительно, исключение составил короткий период правления деда Сулеймана – султана Баязида, отшельника и мечтателя. Так что, положив конец завоевательным походам, Сулейман нарушил бы древний обычай. Он не мог себе представить, к каким последствиям это привело бы.

В то же время молодой правитель решительно изменял средства и методы ведения войны. Он избавился от того, что называлось армией старого типа. А для него это значило больше, чем, например, для Генриха VIII смена кабинета министров. Потому что в эпоху правления Османов руководители режима несли прямую ответственность за все, что происходило в нижестоящих инстанциях. Дряхлеющий Пири-паша владел печатью падишахства и на самом деле нес на себе бремя административных обязанностей.

Когда Сулейман сообщил Пири-паше об освобождении его от административных обязанностей, резко очерченное лицо старика сморщилось в печали. Казалось, он не мог поверить, что не совершил никаких промахов. Как бы в оправдание Пири-паша стал бормотать что-то о новой разновидности ярко-красных тюльпанов, которые он теперь вырастит.

Сулейман знал, что лошади так привыкают к построкам, что на вольном выпасе рвутся за изгородь, когда видят проезжающий обоз.

– Теперь ты сможешь выращивать свои цветы, Пири-паша, – поддержал он старика. – Клянусь, сможешь полностью располагать своим временем.

Но когда султан сообщил о громадной пенсии в двести тысяч асперсов, которую он назначил отставному визирю, Пири-паша поблагодарил его за доброту без всякой радости. Теперь деньги мало что значили для него.

Хотя высокопоставленные лица режима ожидали это, они все-таки не смогли скрыть досады, когда султан назначил первым визирем падишахства Ибрагима. Грек получил столь высокое назначение через головы чиновников, занимавших более важное, чем он, положение. Кроме того, Ибрагим был удостоен звания бейлербея Румелии – командующего Европейской армией. Это возложило на него бремя ответственности, равное его новому положению. (Два других паши были ветеранами-албанцами, косноязычными и склонными подремать прямо в поле в перерыве между сражениями.) Перед назначением состоялась беседа султана с греком. Сначала Ибрагим не хотел принимать столь ответственный пост. Его беспокойный ум почуял в нем немало опасностей. Ведь могло возникнуть недопонимание между ним и султаном, кроме того, его постоянно будет преследовать шепот завистников. Вспоминая Селима, грек опасался припадков гнева и со стороны Сулеймана. Но султан мотивировал назначение Ибрагима визирем так убедительно, что тот стал прислушиваться. Султан доказывал, что желает видеть в нем не просто слугу, но деятеля, способного разобраться во всех сложностях управления падишахством. Сулейману был нужен визирь с творческим, а не обычным умом. До сих пор не было прецедента, чтобы султан и визирь были так молоды. Но что в этом плохого?

Все еще колеблясь, Ибрагим попросил своего господина дать обещание, что тот и сделал: – Я никогда не уволю тебя со службы по капризу.

Этому новый Носитель бремени поверил. Он знал, Сулейман не способен нарушить обещание.

Так рядом с султаном появилось его «второе я», человек, способный решать задачи государственного управления, пользуясь советами, предостережениями и призывами Сулеймана, который сам при этом мог оставаться в уединении. Это был смелый эксперимент. У руля госу-

дарства был поставлен безвестный выпускник школы, иностранец, блестящий ум в падишахстве. Сулейман умел подбирать людей.

Султан постарался предать своему выбору возможно более широкую огласку. Ибрагиму в соответствии с его новым статусом полагалось двенадцать гребцов для личной барки, пять конских хвостов в штандарт, который перед ним несли. Грек должен был взять в жены сестру султана.

Возможно, в будущем османские правители и будут считать само собой разумеющимся наделение фаворитов высшей властью, но Сулейман был первым, кто это сделал.

Очень скоро, подбирая себе штат чиновников, Ибрагим назначил способного Луиджи Гритти драгоманом Высокой Порты, то есть чиновником по дипломатическим связям. Гритти, разумеется, оставался венецианцем и христианином. Ибрагим так же полагался на смышленного Гритти, как Сулейман на него самого.

Итак, в годы перемен (1523–1525) Сулейман повернул от устаревшего традиционного образа мышления турок к западному образу мышления. Отмечалось, что он стал разговаривать с выходцами из его европейских владений – сербами и хорватами – на их родном языке. Одним из его собеседников был выпускник школы Соколли, ставший помощником Искандера Челеби, главного казначея.

Когда умер муфтий – а сместить его с поста было не под силу самому султану, – его место занял Кемаль, философ и большой знаток шариата. Получил свое место во властной иерархии с титулом паши и Касим, бывший наставник Сулеймана. Кемаль и Касим отличались большой интеллигентностью, основанной на прекрасном образовании.

Опоры режима

Правящий османский режим покоился на личных связях. Его отличие от других правящих систем состояло в резкой отгороженности от остального населения падишахства. Вероятно, потому, что правящий слой включал выпускников школ «посвященных детей».

Во время перемещения по огромным пространствам Персии и Византии турки усвоили, что семья султана и его хозяйство не должны быть связаны с государственными органами власти. В хозяйстве Сулеймана все – от главного оруженосца до семейной конюшни – предназначалось только для обслуживания султана.

В таких условиях управление падишахством лежало на плечах трех визирей, или министров. По очереди они возглавляли Диван, или Совет, который заседал в Зале присутствия и заслушивал всякого, кто приходил на заседания по делам управления государством. Слушались дела мгновенно, достаточно было произнести несколько слов, как в те давние дни, когда в советах участвовали всадники, съехавшиеся к шатру хана.

Ответственность за ведение финансовых дел нес главный казначей, но все финансовые документы проходили через Калем, центральную канцелярию. Секретари канцелярии вели учет документов с беспощадной точностью.

Была в османском режиме и еще одна особенность. Османы держались древнего представления, что все население должно быть готово к войне. Все чиновники имели соответствующие воинские звания, за исключением небольшого числа секретарей, занимавшихся ведением учетных книг в домашних хозяйствах. Офицеры регулярной армии, например ага сипахи, имели в подчинении свой штат казначейства и учета.

Помимо центральной власти Константинополя существовало восемь бейлербеев, ответственных за управление административными округами падишахства. Каждый из них имел казначейство и канцелярию. Санджакбеи со своими небольшими штатами чиновников управляли ограниченными районами по всем провинциям. Естественно, все они одновременно являлись

органами мобилизационной системы на случай войны. Бейлербей Анатолии руководил набором рекрутов в азиатской части падишахства.

Выходило так, что обязанности были закреплены за определенными лицами и их выполнение зависело от способностей этих людей. Бейлербей Анатолии, получая каждый год фиксированную сумму дохода от налогов, должен был сформировать определенное число полностью экипированных и обученных воинов, готовых явиться по первому требованию центра. Чиновники такого ранга сами не платили налогов, они получали жалованье из государственной казны и не имели право заниматься какой-либо коммерческой деятельностью.

Шариатские судьи были отделены от динамичной политической силы в лице правящего слоя режима, состоявшего из выпускников светских школ. Они обучались в религиозных учебных заведениях и осуществляли свои юридические функции, исходя из толкования Корана. Венецианский дипломат Маркантонио Барбаро охарактеризовал ситуацию весьма точно: «В то время как вооруженные силы находились под властью лиц христианского происхождения, выполнение юридических обязанностей взяли на себя лица турецкого происхождения».

В условиях сложившегося военно-политического режима и юридической власти малые народы падишахства – греки, армяне, евреи, болгары, черкесы и другие – придерживались своих обычаев и порядков. Немусульмане выплачивали харадж, основной налог, и посещали свои церкви.

Пока в правительственных органах падишахства находились честные, целеустремленные люди, эта система, основанная на взаимной ответственности, работала хорошо. В то же время она представляла собой жесткий каркас, трудно поддающийся переменам. Турки поголовно были привержены к старым обычаям и привычкам. В попытках изменить их жизнь Сулейман мог полагаться только на изменение наиболее важных законов, как способ постепенных перемен, или назначение творческих людей на административные посты, как способ ускоренного развития.

Наиболее радикальной его реформой, совершенной в самый короткий срок, было назначение первого визиря, который раньше значил чуть больше, чем глава Дивана, значительными властными полномочиями. Теперь Ибрагим реально руководил правительством, как бы проходя испытательный срок в качестве премьер-министра. Сулейман справедливо ожидал, что он по собственному почину сделает значительные нововведения. Но Ибрагим не мог себе представить характера этих нововведений.

Между тем ответственность за решение вопросов от назначения пенсии управляющему гарнизонной конюшни в Мосуле и до объявления войны или заключения мира целиком лежала на самом султани. Хотя вмешательства монарха в повседневную жизнь не предполагалось, он был обязан замечать малейший конфликт и решительно пресекать сползание общества к кризису.

Вполне естественно, большинство европейских наблюдателей считало султана восточным деспотом, «оттоманским самодержцем». Лишь немногие из них понимали, что Сулейман был также главой одного из самых демократичных правительств своего времени. Власть султана была ограничена шариатом, набором мусульманских законов. Сулейман признал это ограничение, позволив муфтию пользоваться неограниченной властью в религиозных делах, так же как визирю – в экономике.

Вопросы внешней политики – стержень которой в султанской Турции составляла постоянная проблема войны и мира с соседними странами – теоретически должны были решаться только устаревшим Диваном. Фактически во время правления Сулеймана их решали сам султан, Ибрагим и муфтий.

В первые годы своего правления Сулейман зарезервировал для себя чрезвычайную власть. Он пожелал быть единственным арбитром в сфере морали. Один решал, что хорошо

и что плохо – имеет ли крестьянин право претендовать на владение пролетевшим пчелиным роем или имам придорожной мечети – созывать верующих на молитву.

Эта идея признания себя монархом без портфеля, властителя, бродящего с фонарем Диогена, казалась европейцам немыслимой. Тем не менее она оказывала большое влияние на европейские дела в течение сорока лет. И наконец, вынудила Сулеймана стать арбитром в своей собственной семье.

Когда Сулейман выступил судьей в решении судьбы Фархад-паши, иностранные дипломаты по другую сторону бухты Золотой Рог всполошились. Фархад-паша, славянин с побережья Далмации, был одним из лихих армейских военачальников. Будучи третьим визирем, он сокрушил восстание в Сирии, прислав султану голову лидера мятежников Газали. Фархад-паша отличился при осаде Белграда и цитадели рыцарей на Родосе. Он получил в жены сестру Сулеймана. Однако свирепость была у Фархад-паши в крови. Он присвоил власть в отдаленных провинциях и без всяких законных оснований казнил своих личных врагов, как врагов падишахства. Среди помощников Сулеймана не было такого, кто смел добиваться своих целей при помощи угроз. Фархад был лишен звания паши и отозван со службы.

У Фархада были друзья, которые восхищались им, и женщина, которая его любила. Сулейман узнал, что его мать и сестра обсуждали в гареме судьбу Фархада. Путями, известными одним лишь женщинам, опальному военачальнику была оказана поддержка. Тогда Сулейман назначил Фархаду испытательный срок, отправив его служить в одну пограничную местность, на Дунае. Однако вскоре ему стало известно, что испытуемый злоупотребляет властью, как и прежде. Фархад был снова вызван к султану и в течение нескольких минут приговорен к смерти. Приговор был немедленно приведен в исполнение – осужденного удушили тетивой от лука.

Сестра не могла простить Сулейману смерти мужа. Одевшись в траурное платье, она предстала перед ним в гареме.

– Надеюсь, пройдет не так много времени, когда я надену траур по моему брату, – осмелилась сказать она.

По закону Османов, введенному Мехметом Завоевателем, смертной казни подвергался человек, существование которого угрожало жизням многих других людей. Этот закон применялся ко всем без исключения, даже к ближайшим родственникам султана. По указу Мехмета, лучше было казнить двоих или даже полдюжины ближайших родственников, нежели допустить вспышку гражданской войны. К счастью, у Сулеймана не было братьев.

Появление Веселой

Примерно в это же время Сулейман выбрал среди молодых женщин гарема Веселую.

Она происходила с севера, была куплена у татарского купца. Грациозная русоволосая девушка, несомненно славянка. Ее назвали Хуррам, то есть Веселой. Смотрительница белья дала девушке такое имя потому, что та любила жизнерадостно распевать. Брала струнный инструмент и под его игру пела, отбивая высокими каблуками по ковру.

А так как Хуррам еще умела и быстро вышивать, создавая причудливые картины, смотрительница белья взяла ее под свою опеку и даже выплачивала девушке за работу деньги на мелкие расходы. Славянка знала удивительные вещи. Например, при свете лампы с помощью пальцев могла изобразить на стене пляску чертиков. Увидев, как другие вновь приобретенные девушки гарема играли с мячом, перебирая ножками, просвечивавшими сквозь прозрачный белый шелк их шаровар, Хуррам немедленно присоединилась к ним, повязав распущенные волосы сатиновой лентой. Ведь у нее не было жемчужного ожерелья. На голову она надела шапочку из голубого бархата, потому что не имела головного убора, вышитого золотом, как у других. Однажды, пришивая пуговицы к платью валиды, девушка узнала, что это очень ценные

бриллианты, и громко рассмеялась. Надо же, из таких драгоценных камней сделаны такие безвкусные пуговицы! Часто, когда она позволяла себе подобные насмешки, ее наказывали ударом хлыста по спине. В отличие от других Хуррам не плакала. Продолжала спокойно заниматься своим делом, но хорошо запоминала тех, кто ее обидел.

Когда мать султана, которую, кстати, звали Хафиза, справилась у смотрительницы белья о новой девушке, та сообщила, что славянка сметлива, быстра и тверда, как алмазы, над которыми она насмеялась. Валида ответила, что готова этому поверить, потому что иностранки, захваченные в полон, а затем превращенные в рабынь и служанок, как правило, приобретают сильную волю и упорство. И хотя Сулейману показывали носовые платки, вышитые Хуррам, они не произвели на него сильного впечатления. У него не возникало желания увидеться с девушкой до тех пор, пока он как-то не услышал ее пения. Старые надзирательницы в это время не смогли заставить ее замолчать. Поскольку султан был знаком с некоторыми языками севера, он заслушался пением и поинтересовался именем певицы.

После этого Сулейман стал задерживаться в гареме, чтобы поговорить с Хуррам на ее языке. Девушка весело смеялась, когда он не правильно произносил слова, но султан не сердился на нее за это. Смотрительница, естественно, не решалась наказывать ее у него на глазах. По обычаю гарема, молодой женщине, приглянувшейся правителю, предоставлялась отдельная спальня, прозрачное нижнее белье, личные служанки, деньги на приобретение драгоценных украшений. При желании она могла вызывать массажисток и парикмахерш.

Все это Веселая получила. Кроме того, стала одолевать смотрительницу, у которой больше не было права ее наказывать, всевозможными просьбами.

Хафиза вызвала Хуррам для строгого разговора. Веселая стояла перед матерью султана с почтительным вниманием.

До последнего времени султан не интересовался ни одной женщиной гарема, за исключением Гульбехар. Она была кадын – предпочитаемой женщиной. Теперь же его явно стала забавлять веселостью и необычной речью Хуррам. И как-то, проходя мимо девушки после вечерней молитвы, Сулейман накинул на ее плечо свой платок – это было знаком того, что он хочет провести с нею ночь.

По обычаю гарема, Гульбехар должна была подготовить славянскую девушку к первой ночи с господином. Но Гульбехар не любила ее и не хотела обременять себя хлопотами вокруг христианки.

Ими пришлось срочно заняться другим. Смотрительница бани взяла все заботы на себя. Добавила в воду ванны ароматические вещества, поочередно вызвала к избраннице султана рабынь для массажа, маникюра, умащивания ароматными маслами. Рабыни шептались, что у русской¹, кожа не такая нежная, как у Гульбехар, и волосы не столь мягкие, как у нее. Веселая, разумеется, не носила такого же прозрачного шелка. Но она искусно пользовалась некоторыми украшениями.

Старая мавританка из obsługi подробно рассказала Хуррам, как пройти к господину, как миновать стражников у входа в спальню султана, как продемонстрировать намерение лечь в постель, но затем снова подняться на ноги, коснуться лбом ложа, снять с себя все украшения и проскользнуть под покрывало, устроившись рядом с господином. На заре придет африканка с лампой в руке, чтобы отвести девушку на ее обычное спальное место и засвидетельствовать, что она спала с султаном.

Это был не единственный раз, когда султан вызывал к себе Хуррам. Слуги гарема гадали, то ли девушка забавляет султана своими шутками, то ли тем, что отличается от Гульбехар.

¹ Лэмб придерживается версии, что Хуррам была русской, хотя, по другим версиям, ее считают украинкой или полькой. (Здесь и далее примеч. перев.)

Часто султан приглашал Хуррам на совместную трапезу, говорил с ней о северных землях за Дунаем. Казалось, что во время этих свиданий он ценил в ней не только женщину, но и умного собеседника.

Как признанная кадын славянка стала получать повышенное жалованье. Теперь по желанию она могла посылать служанок за новыми платьями или шкатулками. Нельзя было сказать, чтобы она стремилась к приобретению ручных и ножных браслетов, но порой покупала их слишком много, хотя затем с легкостью с ними и расставалась.

Валида снова провела с Хуррам воспитательную беседу. Она решила, что девушка пленила султана игрой на струнном инструменте. До этого никто не мог себе представить, что Сулейман увлекается музыкой. Правда, он любил слушать песни учащихся во дворе школе. Нередко даже останавливал коня, чтобы насладиться игрой бубенцов, флейты и барабанов оркестра янычар.

Как предпочитаемая женщина, Хуррам теперь располагала властью. А когда она сообщила валиде, что беременна, эта власть еще усилилась. Рабыни, попавшие в беду, стали искать у нее защиты, а получив ее, в благодарность с усердием служили новой госпоже. Хуррам уступала теперь во власти только Хафизе и Гульбехар, родившей султану сына. Ее называли второй кадын.

Однако наблюдательные глаза в гареме – они постоянно вели учет всего происходившего – обнаружили, что султан говорит теперь все чаще и чаще со славянкой, которая сначала была полонянкой, а затем рабыней. Гульбехар считалась первой только по званию и правам. Но была ли она на самом деле первой?

Из покоев гарема сплетни от черных евнухов дошли до белолицых стражников, а от них до торговцев пряностями и сахаром на крытом рынке.

На сплетни о фаворитке султана обратили внимание и иностранные дипломаты. Им мало что говорило имя Гульбехар, а эта женщина и вовсе не была знакома. Когда выяснилось, что она русского происхождения, ее называли Русселаной или Роксоланой.

Первый праздник на ипподроме

Новая политика воздержания от войн высвободила султану время для внутрисударственных дел в городе. Будучи противником полумер, он попытался радикально преобразовать город под турецкую обитель. Как будто, покинув Родос, решил укрыться в Константинополе.

Султана всегда привлекал этот город, который он понимал гораздо лучше старого Пири-паши, стремившегося его избегать, или Ибрагима, признающего его лишь как рычаг для новых завоеваний.

Однако в городе, где жил султан, обитали призраки. Это были очень реальные призраки, постоянно беспокоившие его напоминаниями о Византии. Чистая вода для его мраморной ванны поступала из византийских цистерн, сами камни его серали были камнями византийских дворцов. Когда Сулейман совершал намаз в просторной Айа Софии, его охватывал страх при виде гигантских сооружений из серого, зеленого и багрового мрамора, построенных Августом и Юстинианом. Да, христианский алтарь был удален, а на его месте установили претенциозный михраб, указывающий направление Мекки. Величественные мозаичные фрески императоров и императриц забелили известкой. И все же, входя в это просторное помещение, нельзя было избавиться от ощущения, что оно остается все той же базиликой Юстиниана.

К тому же турецкие архитекторы копировали Айа Софию, когда строили мечети Мехмета Завоевателя, Баязида и Селима.

Турки захватили Константинополь три поколения назад и по очереди подвергались влиянию этого имперского города. Он напоминал женщину, взятую в полон.

Даже прогуливаясь в уединении в своем садике под сомкнувшимися кронами деревьев, Сулейман то и дело видел мраморные колонны, воздвигнутые в честь византийских императоров. Опаленные солнцем дервиши, которые вдохновенно твердили ему о Вине жизни, возможно, происходили от мертвенно-бледных монахов, облегчавших душевное томление византийских самодержцев.

Когда Сулейман бороздил на своей барке просторы Босфора, расположившись на палубе под тентом, по соседству он видел быстроходные золоченые лодки, на которых среди курящегося дыма фимиама возлежали знатные матроны из византийских семей – Комнин, Дука-сас, Порихиригени-те – те, «кто родились для роскоши». Более того, и в его жилах тоже текла византийская кровь, поскольку в жены его предков отдавались женщины Византии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.